

— НОВАЯ > ВЕРСИЯ —

Мадлен
Лево-Фернандез

Хелена
РУБИНШТЕИН

Императрица Красоты

Новая версия (Этерна)

Мадлен Лево-Фернандез

**Хелена Рубинштейн.
Императрица Красоты**

«Этерна»

2003

УДК 82.94
ББК 85.12

Левос-Фернандес М.

Хелена Рубинштейн. Императрица Красоты / М. Левос-Фернандес — «Этерна», 2003 — (Новая версия (Этерна))

ISBN 2-08-068258-X

Биография Хелены Рубинштейн, выдающейся женщины-предпринимательницы, основавшей «с нуля» глобальную империю красоты, настоящего первопроходца в бизнесе и косметологии. Созданная ею марка Helena Rubinstein до сих пор остается синонимом безупречного качества и популярна во всем мире. Как удалось небогатой провинциальной еврейской девушке стать знаменитой Мадам, рассказывается в этой увлекательной книге. На русском языке издается впервые.

УДК 82.94

ББК 85.12

ISBN 2-08-068258-X

© Левос-Фернандес М., 2003

© Этерна, 2003

Содержание

От автора	6
Глава 1. Семья	8
Глава 2. Прощание с Польшей	14
Глава 3. Австралия	20
Глава 4. Приключения начинаются	25
Глава 5. Завоевание Европы	28
Глава 6. Лондон. Первые шаги в Европе	32
Глава 7. Материнство	36
Глава 8. Большие перемены	41
Глава 9. Из Парижа в Нью-Йорк	43
Глава 10. Возвращение в Париж	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мадлен Лего-Фернандез Хелена Рубинштейн. Императрица Красоты

Madeleine Leveau-Fernandez

Helena Rubinstein

© Éditions Flammarion, 2003

© М. С. Кленская, перевод, 2017

© Палимпсест, 2017

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2017

От автора

Женщинам третьего тысячелетия посчастливилось иметь под рукой бесчисленное количество средств, чтобы излечивать раны, нанесенные временем, – от косметики, творящей чудеса, до пластической хирургии. Но так было не всегда. Благодарить за все это разнообразие нужно Хелену Рубинштейн, женщину, стоявшую у истоков современной косметологии.

Хелена Рубинштейн любила говорить журналистам, приходившим брать у нее интервью, что интересная ложь всегда лучше скучной правды. Верная этому принципу, она всю жизнь создавала собственную легенду, рассказывая разные, часто непохожие друг на друга истории своей жизни. Что-то в интервью журналистам или в книге «Жизнь за красоту», которую можно назвать ее мемуарами, а что-то – своему последнему секретарю Патрику О’Хиггинсу. Понравился бы ей роман Поля-Лу Сулицера «Ханна»¹? Вдохновленный невероятными историями из ее жизни, писатель создал еще одну легендарную героиню, новую польскую Скарлетт О’Хару... Показалась бы ей эта версия своей судьбы интересной? Несомненно.

Но как отличить ложь от правды, фантазии и небольшие преувеличения – от реальности? Кем на самом деле была Хелена Рубинштейн?

В мире существует очень много биографий известных модельеров, но никто пока не писал о людях, создавших современную науку о косметике. А между тем Хелена Рубинштейн совершенно изменила образ женщины своего времени. Эта волевая, авторитарная, увлеченная наукой дама была провидцем и первооткрывателем почти всего, на чем основана сегодня косметология. Именно она изобрела современную косметику и саму идею института красоты – не больше и не меньше! При этом ничто в жизни этой девочки, родившейся в 1872 году в Кракове в семье обедневшего буржуа и ставшей потом австралийской эмигранткой, не располагало даже к мечтам о тех вершинах, которых она добилась! Ее называли императрицей косметики, созданные ею новаторские кремы завоевали Европу и Новый Свет. Что же вдохновляло ее, не давало опустить руки и питало самые дерзкие замыслы? Желание показать семье, на что она способна.

Хелена Рубинштейн жила только работой, иногда даже в ущерб собственной личной жизни. Она постоянно искала новое и охотилась за открытиями. Конечно, не все изобретения в косметологии принадлежат ей, но она постоянно находилась в центре всех событий в мире косметики и никогда не пропускала ни одного новшества! Это именно она стала первой в мире выпускать водостойкую тушь с эффектом удлинения и утолщения ресниц – сначала *Waterproof*, а затем *Mascaramatic*; ей принадлежит идея создания крема на основе молочных продуктов; впервые в ее средства по уходу за кожей стали добавлять ферменты и витамины; она ввела в моду диеты; и, наконец, именно она, намного опередив свое время, открыла косметический салон для мужчин, где использовались средства, специально разработанные для мужской кожи.

Для Хелены Рубинштейн красота и наука были нерасторжимы. Даже в самом начале своей карьеры она работала с химиками, и все ее новые продукты тщательнейшим образом тестировались в лабораторных условиях. Она первой из косметологов стала использовать электричество и гидротерапию в уходе за телом и лицом. Эта польская эмигрантка из скромной семьи перевернула все представления современного ей мира об эстетике и физической красоте, отстаивая простую и гениальную идею – «о себе надо заботиться». «Яркий

¹ Сулицер, Поль-Лу (род. в 1946 г.) – популярный французский писатель, автор серии бестселлеров в жанре «экономического детектива». Роман «Ханна» написан в 1985 г. (Здесь и далее, если не оговорено особо, примечания редактора.)

густой макияж похож на маску, за которой прячется лицо, как старая стена под штукатуркой. Сегодня мы идем войной на трещины в этой стене!» – писала она.

Политические бури и исторические катаклизмы заставляли ее покидать страну, где она жила, и возвращаться на континент. Она умела делать так, что все эти неудобства превращались в новые возможности и завоевание новых рынков. В итоге она возглавила огромную финансовую империю, став первой женщиной своего времени, которая смогла проникнуть в мужской деловой мир. Ее успех можно сравнить только с положением Элизабет Арден, вечной ее соперницей в Соединенных Штатах.

Обладая удивительным вкусом и способностью открывать таланты не только в мире моды, но и в искусстве, Хелена Рубинштейн собрала прекрасную коллекцию современного искусства, скульптуры, миниатюр и народного творчества. Ее всегда вдохновляли поиски красоты во всем, что ее окружало.

У нее был оригинальный и сложный характер. Описать его непросто, тем более что свидетелей ее жизни почти не осталось, а воспоминания оставили немногие. Мне посчастливилось познакомиться с двумя людьми, чьи рассказы – словно самые важные ключи – позволяют открыть потайные двери ее жизни и найти золотую середину между мифом и реальностью.

Итак, Сильвия Бедхе. Она исполняла такую важную часть работы во французском филиале компании, что ее можно назвать правой рукой Хелены Рубинштейн во Франции. Сильвия Бедхе многое мне рассказала, создав свой портрет глазами коллеги и соратницы.

Лилит Фасс (до замужества Крудовска), внучатая племянница Хелены, позволила мне проникнуть в личные и профессиональные отношения Мадам (так ее называли за глаза) с семьей. Это сложная и никому не известная история.

Книга, написанная ее последним секретарем Патриком О'Хиггинсом в 1971 году – «Мадам, или В золотом аду Хелены Рубинштейн», – тоже очень помогла мне, даже несмотря на то, что хронология событий там часто нарушается. Но он прожил бок о бок с ней последние четырнадцать лет, и Хелена многое откровенно рассказывала Патрику, заменившему ей погибшего сына.

Мне посчастливилось получить доступ к архивам фонда Хелены Рубинштейн, благодаря генеральному директору международного отделения Филиппу Вильмюсу. Содержимое архивных папок позволило лучше понять эту женщину, чья личная жизнь всегда была неразрывно связана с работой.

Написав эту книгу, я попыталась по мере сил нарушить несправедливое молчание, которое до сих пор окружало путь человека, посвятившего себя красоте других. Я придала ее легендарному образу реальные черты, отдалив его насколько возможно от мифов, которые всю жизнь создавала вокруг себя самой Хелена Рубинштейн.

Мадлен Лево-Фернандез

Глава 1. Семья

Вначале была Польша. Происхождение – одна из важнейших деталей, давших толчок удивительной судьбе Хелены Рубинштейн. Когда она много лет спустя вспоминала первые годы своей жизни, то говорила, что культурные корни сыграли главную роль в ее судьбе.

Привольные холодные равнины Польши всегда были яблоком раздора между славянами, германцами и скандинавами. Но русские столько времени владели страной, что королевство Польское практически исчезло за одно столетие, превратившись в Привислинский край Российской империи или в Привислинские территории.

В конце XIX века Краков был тихим, почти средневековым городом. Если бы эта часть Польши, отданная Австро-Венгрии, меньше страдала от соседства русских, экспатриация не стала бы неотъемлемой частью польской культуры. Самые консервативные семьи древнего королевского города всегда чувствовали неизбежность изгнания.

Польша всегда была раздираема на части завоевателями, но сохраняла сильную привязанность традициям. Поляки, уехавшие за границу, тем не менее не теряли связи с культурой своей родины. Позднее Хелена скажет, что именно это позволило ей так легко освоить обычаи и образ жизни двух континентов, на которых расцвела ее карьера, – Европы и Америки.

Краков был назван в честь легендарного польского героя Кракуса, предводителя славянского племени вислан, положившего начало династии Лехов в конце XII века. Ему же приписывается и основание города – он построил первый форт на холме Вавель на левом берегу Вислы. Долгое время город был древней столицей Польши и играл важнейшую роль в жизни страны. С XVI века он был одним из центров промыслов, торговли, искусства и науки в Европе. За его готическими стенами построены многочисленные храмы, дворцы и музеи, а над ними царит замок Вавеля – королевской резиденции и усыпальницы.

С того времени город почти не изменился. В нем по-прежнему сохраняется средневековый дух: лабиринт узких улочек окружает знаменитую Главную рыночную площадь с башнями XIV и XVII веков, галереей крытого рынка, восстановленного в начале XVI века. Его украшают множество древних готических костелов. Рядом находится Ягеллонский университет, основанный в 1364 году, где учился Николай Коперник. Именно в Кракове в 1473 году было положено начало книгопечатанию в Польше.

Хелена родилась вечером 25 декабря 1872 года и была первым ребенком Рубинштейнов. Это была семья почти уже разорившихся буржуа, чье имя все еще пользовалось уважением. В 1870 году дела у них уже шли скверно, но так было не всегда. Дед Хелены по отцовской линии владел в Галиции нефтяными скважинами и имел долю от дохода нескольких угольных шахт. Краков был столицей этой провинции, ее административным и коммерческим центром: город все время развивался и рос. К тому же он находился в центре индустриального региона, жившего за счет добычи полезных ископаемых. Дед Хелены принадлежал к тем промышленникам, которые быстро сделали состояние на добыче угля и нефти. В его круг входили также многие музыканты, ученые и врачи. Родственники с материнской стороны, принадлежавшие к семейству Зильберфельд, были известными банкирами.

Супруги Рубинштейн могли бы и не помышлять о материальных проблемах, но отец Хелены, человек очень образованный, не мог вести жизнь дельца. Очень скоро его странный характер стал причиной их полного разорения. Он стал заниматься коммерцией – экспортировал разные товары, и не без выдумки, по словам самой Хелены. Он продавал все и импортировал любые продукты – от куриных яиц до рыбы.

В большинстве биографий Хелены Рубинштейн, опубликованных в Европе, дата ее рождения – 25 декабря 1870 года. В своей книге «Мадам» Патрик О'Хиггинс называет другую дату – 25 декабря 1872 года. Он был ее личным секретарем, и можно предположить,

что часто держал в руках ее паспорт и именно его версия – правильная. Кроме того, если считать датой ее рождения 1870 год, как утверждала сама Хелена, то возникают некоторые биографические несоответствия. (Я лично склоняюсь к 1872 году. – *Прим. авт.*)

Польша в XIX веке довольно быстро перешла от эпохи ремесленников к промышленному буму, но Краков хранил традиции средневекового торгового города. Его промышленный спутник, Нова-Хута, находится от него примерно в двенадцати километрах. Большая дорога, своеобразный кордон, подобно пуповине связывает город-мать с промышленным дитя, но держит его на расстоянии. Горожане предпочитают такой вариант соседству старого Кракова с заводами и промышленными поселками.

Позже Хелена будет говорить, что удивительная нежность отца находила опору даже в противоречиях его собственного характера. Он был одновременно коммерсантом и мечтателем, дельцом и художником, авангардистом и консерватором, способным отвечать самым пылким движениям сердца и самым суровым приказам разума. У него был быстрый и пылкий ум, и он питал неутолимую страсть к искусству, которую передал старшей дочери. Именно ему она обязана своим необыкновенным вкусом к роскоши и красоте – недаром она стала впоследствии увлеченной коллекционеркой.

Хелена родилась во время кровавых восстаний. Польша, пережив три раздела (между Пруссией, Россией и Австрией), после 1795 года как самостоятельное государство исчезла с карты Европы. Но поляки не оставили надежды на восстановление своей независимости. Каждое новое поколение или присоединялось к противникам держав, разделивших Польшу, или поднимало восстание. В 1863 году вспыхнуло второе восстание против России (первое восстание поляки подняли в 1830 году), которое потерпело поражение.

Провалы этих освободительных порывов пригасили романтический пыл не только известных тогда писателей – например, Словацкого или Мицкевича, но и «Неизвестного поэта Польши», настоящее имя которого было Сигизмунд Красинский. Он прожил всю жизнь во Франции и Италии и отказывался подписывать свои произведения, потому что его отец, служивший генералом в русской армии, был ненавистен полякам. Теперь, под давлением реальных фактов, писатели заговорили о растерянности повстанцев, нищете крестьян, разорении аристократии. Но при этом идеализированная картина времени видна в творчестве таких авторов, как Генрик Сенкевич, который сам был сыном знатного землевладельца. Позитивизм и проза модерна открыли путь новой литературе, чьим достойным представителем был, например, Адольф Дыгасинский².

Горацию Рубинштейну нравился германо-славянский дух Польши в этот период постромантизма, взлелеянный героическим прошлым, и он любил этот древний город королей, его жизнь и искусство. Именно эта любовь породила в нем страсть к старинным вещам, которыми владели многие поколения.

Благодаря отцу маленькая Хелена открыла для себя мир искусства. Восхищение физической красотой вызывала в ней внешность матери, Августы Рубинштейн, на которую она была очень похожа. Каждую неделю соседки приходили помогать делать ей прическу. Девочка, сидя у ног матери, наблюдала за ее туалетом, а потом позволяла причесать и себя. Августа уступала ей свое место и разрешала насладиться тем, как умелые руки нежно моют волосы и укладывают их в сложную прическу. Эти первые косметические процедуры в ее жизни, конечно, запомнились Хелене.

Остается загадкой, было ли правдой то, о чем она рассказывала много позже: якобы ее родители и сестры придерживались ортодоксального иудаизма, и мать, как все замужние

² Дыгасинский, Адольф (1839–1902) – польский писатель, участник восстания 1863 года, выдающийся представитель художественного реализма.

еврейские женщины, носила парик. Истории ее детства весьма противоречивы, и неспроста она говорила в интервью журналистам, что интересная ложь гораздо лучше скучной правды!

Благодаря очарованию Августы в доме царила атмосфера нежности и спокойствия, которая сочеталась с отцовской строгостью. «Она была одной из тех польских женщин, в которых Шатобриан видел соединение одалиски и валькирии», – напишет потом Хелена³.

У этих так непохожих друг на друга супругов родились десять детей, но выжили восемь дочерей: Хелена, Полина, Роза, Регина (мать Малы, которая сыграет важную роль в профессиональной жизни Хелены), Стелла, Цеска, Манка и Эрна. Когда родилась седьмая сестра, Хелене едва исполнилось десять. В старом большом доме, заполненном антиквариатом, безделушками и запыленными старинными фолиантами, бегали восемь девчонок, даря ему свои игры, смех, плач и крики. Хелена начала помогать матери вести хозяйство очень рано и стала посредником между властными родителями и проказливыми младшими сестрами. Вот она – неблагодарная роль старшей сестры! «Быть старшей из восьми дочерей – ответственность не по летам! Это значит нагрузить себя огромным количеством обязанностей, о которых в таком возрасте даже не думают, а просто играют в куклы!» – признавалась она⁴. В двенадцать лет она настояла на том, чтобы взять на себя работу экономки. Она занималась покупками, выбирала ткани и белье для дома – у нее был врожденный вкус к качественным вещам. Она даже попыталась установить некоторые правила ведения дел для отца, что было, вероятно, очень непросто.

Несмотря на финансовые сложности, впрочем весьма относительные, Рубинштейны были в прекрасных отношениях с буржуазией Кракова и несколькими аристократическими семьями, которые в свою очередь были почти разорены во время мятежей 1863 года, но продолжали жить в роскошных замках. Хелене нравились торжественные визиты в эти огромные дворцы, где сохранялось все их великолепное убранство – персидские ковры, причудливая мебель из Константинополя, витринные шкафы с драгоценной посудой и медальонами чеканного серебра, которые переходили от поколения к поколению.

Иногда вся семья участвовала в больших праздниках, во время которых танцевали полонез. Мужчины надевали традиционный костюм – парчовый кафтан, подбитый собольим мехом, украшенный драгоценными камнями. На поясе сверкал дамасский клинок. . . На столь блестящем празднестве обходились самым простым угощением, и это все принимали с юмором. На роскошно убранном столе подавали только флакис (потроха), бигос (кислую капусту), маринованную в уксусе капусту и, конечно, картошку и колбасы. Пекли много видов хлеба, даже черный хлеб из ржаной муки.

Зимой всегда ели супы. Хелена обожала *zupa grzebowa* из сухих грибов в бульоне, с маслом, солью, мукой, сметаной и молоком и *barszcz* – польский вариант украинского борща. При этом она испытывала настоящее отвращение к *czerna* – по-видимому, самому специфическому блюду, которое невозможно представить себе на столе западного замка. Его готовят на бульоне, в котором варят рис или лапшу, и под конец добавляют немного свежей крови. . .

В дни поста всегда ели пресноводную рыбу – форель, щуку и карпа из польских водоемов. Многочисленные рыбные блюда всегда готовились с большим количеством лука и перца.

Иногда семья Рубинштейн ходила в гости после обеда – тогда пили *herbata* – разновидность очень крепкого чая, который подавали в стаканах и пили в огромных количествах в любое время суток.

³ *Helena Rubinstein. Je suis Estheticienne. Editions du Conquistador, 1957, p. 18.*

⁴ *Helena Rubinstein. Je suis Estheticienne. Editions du Conquistador, 1957, p. 20.*

* * *

Вкус к редкостным картинам, мебели и украшениям, который Хелена культивировала в себе всю жизнь, был воспитан в детстве. «Постоянно находиться в окружении произведений искусства – это то же самое, что заботиться о своем внешнем виде. Только здесь речь идет о красоте и здоровье внутреннем. В идеале эти две стороны жизни и должны питать вдохновение и талант», – скажет она потом.

Конечно, Краков – город очень богатый памятниками прошлого. Хелена жила в самом сердце польского искусства. Когда она, держа Горация за руку, пересекала огромную, в сорок тысяч квадратных метров, Главную рыночную площадь, окруженную со всех сторон старинными зданиями, из которых даже самые скромные имели историческую ценность, ее взгляду постоянно открывалось вокруг нечто прекрасное. Она привыкла жить в красоте. А вот далекое от диетического меню и частые визиты в лавку *delikatery* (сладостей и выпечки), которые так любили во времена ее детства, стали причиной того, что в книгах, посвященных красоте, Хелена Рубинштейн настаивает на употреблении исключительно легкой пищи.

Хелена многим обязана образованности отца, а ведь Гораций интересовался не только прошлым. Увлечение современной польской, французской и итальянской литературой способствовало некоторому либерализму суждений. Во Франции тогда театральное искусство пришло в упадок, но литература процветала, хотя и была подвержена влиянию изменчивой действительности – жанр романа оставался самым популярным. Творчество Мопассана иллюстрирует ярким образом эту приверженность натурализму, которому все постоянно пророчили конец. Эмиль Золя публикует большой труд, многотомную серию романов «Ругон-Маккары», невозможно не заметить гений Флобера, Гюисманса, Гюго, рассыпающего последние искры своего таланта, и только что появившегося в литературных кругах Альфонса Доде. В Италии же литература переживала кризис. Итальянское общество осознало, что произведения с романтическими сюжетами уже неинтересны. Под влиянием позитивизма и натурализма появляется новое литературное направление веризм (*verisme*) во главе с Джованни Верга. В конце века новые идеи бурлят по всей Европе, и Гораций Рубинштейн погружается в них с головой. Его страсть к литературе, искусству и философии повлияла на увлечение дочери последними научными открытиями, а много позже – на ее интерес к тем формам искусства, которые не всегда понимали современники.

* * *

Первым детским косметическим опытом для маленькой Хелены стали сеансы у парикмахера, а вторым, впрочем, совершенно случайно, – знакомство с кремом для лица. Этот крем привезла часто их навещавшая подруга Августы, актриса Модеска, очень популярная в то время. Модеска пользовалась уникальной мазью, составленной специально для нее венгерским химиком, профессором Якобом Ликуски: это была смесь трав, миндального масла и экстракта древесной коры. Модеска обычно привозила несколько баночек в подарок, когда приезжала в гости. По вечерам, когда Августа приходила поцеловать дочерей на ночь, она проверяла, не обветрились ли у них лица, если погода была ветреной или шел снег. Мать нежно втирала немного крема в их порозовевшие щеки. «Это сделает вас еще красивее, – шептала она, обнимая девочек, – а быть красивой – значит быть женщиной».

* * *

Наследство было большей частью растрчено, и Гораций Рубинштейн решил заняться экспортной торговлей, чтобы поддерживать достойный достаток семьи: нужно было воспитывать и обучать восьмерых дочерей. Вечера в их большом доме, где топились высокие изразцовые печи и масляные лампы освещали трепещущим светом комнаты, обычно проводили в разговорах о его рискованных предприятиях. Непостоянный характер Рубинштейна был причиной того, что дела принимали угрожающий оборот.

Хелена очень рано заинтересовалась отцовскими делами. Гораций ревностно заботился о ней, потому что она была первенцем и потому что у нее был взрывной и дерзкий мальчишеский характер. Он делился с ней всеми своими идеями, размышлениями и сомнениями. Хелена всегда прекрасно разбиралась в математике, поэтому именно она стала просчитывать окупаемость каждой сделки. Девочка очень гордилась доверием отца. «Его доверие, которого я стремилась быть достойной, открыло моему воображению огромный мир возможностей и успеха. Это очень отличалось от маленького женского мирка, где я уже всем управляла». Ее предпринимательский дух проявился уже тогда, и вся ее жизнь и мировоззрение были с тех пор ориентированы на достижение успеха.

Однажды Гораций, который должен был отправиться на важную деловую встречу, внезапно заболел. Поскольку отменить встречу было уже нельзя, Хелена предложила поехать вместо него. Нужно было выдержать довольно долгое путешествие на поезде, что для того времени было настоящим приключением. Поначалу родители немного смутились, но в конце концов согласились, отправив с девушкой старого слугу. Прямо перед отъездом Августа шепнула ей на ухо: «Ты сможешь выкрутиться, только если будешь внимательно слушать и мало говорить». Этот совет, которым она воспользуется еще не раз, когда станет взрослой, в тот день был решительно отвергнут. Приехав на место, она очень уверенно изложила отцовскую точку зрения на все вопросы и вернулась в Краков, заключив сделку. А ведь ей было всего шестнадцать! Удивленная собственной дерзостью, Хелена испытала восторг победы и незнакомое до сих пор удовлетворение от успеха в делах.

Вдохновленная первой удачей, она повторила этот опыт и позже, на этот раз спасая отца от финансового краха. Гораций Рубинштейн собирался закупить в Венгрии огромное количество свежих яиц. В то время холодильники не использовались, поэтому яйца надо было продать сразу после разгрузки в Кракове. Опасность заключалась в том, что груз прибывал в город после долгой дороги накануне четырех праздничных нерабочих дней. Было лето, и от жары вагоны поезда превращались в настоящие печи. В отчаянии, Гораций уже был готов к появлению тысяч цыплят, прекрасно понимая, что надеяться на изменение расписания общественных служб из-за прибытия его груза бесполезно.

Хелена тогда решила сама отправиться на переговоры с начальником вокзала. Когда она высказала свое намерение в конторе, служащие не смогли сдержать насмешливых ухмылок. Как молоденькая девчонка могла даже предположить, что ее примет столь важная особа, как господин директор железной дороги! Хелена так никогда и не узнала, почему он все-таки сделал это. Она стала просить за своего несчастного отца, который будет просто раздавлен такой финансовой потерей!

– На кону все состояние нашей семьи, господин директор.

– Правила есть правила, милочка.

– Я просто отказываюсь поверить, что такое цивилизованное и развитое государство, как Австро-Венгрия, навязывает стране, оказавшей ей доверие, столь строгие административные ограничения.

– Но лично я ничего не могу сделать. Мне очень жаль...

– Какое разочарование, господин директор! Как и все в Кракове, я принимала вас за человека, обладающего огромной властью, инициативного и прогрессивно мыслящего. Я, конечно, ошибалась. Всего доброго, господин директор.

Эти слова стали решающими и заставили директора попытаться доказать, что некоторыми возможностями он все-таки располагает. Он дал необходимые указания, и Краков был обеспечен свежими яйцами все четыре праздничных дня. Состояние Рубинштейнов было спасено!

С ранних лет Хелена пользовалась любой возможностью, чтобы добиться желаемого. В этом проявлялись упорство и энергичный характер, которыми она славилась всю жизнь.

Глава 2. Прощание с Польшей

Властный характер Хелены часто был причиной конфликтов с семьей младшими сестрами, которые называли ее за спиной «орлиный глаз», потому что она дотошно следила за всем, что происходит в доме. Но если характер у нее был сильный, то физически она выглядела очень нежной и мягкой. В десять лет она была изящной и маленькой. Нежное личико, на котором сияли огромные мечтательные глаза, обрамляли пышные черные кудри. Она напоминала Мадонну Эль Греко... Осанка у нее была безупречная – она всегда ходила гордо выпрямившись, и становилось ясно, что перед вами человек редкой силы воли и стойкости.

В юности ее наперсницей и доверенным лицом стала кузина Азария⁵, с которой они вместе выросли. Один из братьев матери, Луи Зильберфельд, женился на польке, которая умерла во время родов. Дядя Луи, стремясь изжить свое горе, покинул Краков. Дочку он оставил Рубинштейнам – одной девочкой больше, одной меньше... Азария была ровесницей Хелены, и они прекрасно ладили.

Вдалеке от Польши, на другом краю света, в Австралии, билось для них родное сердце – Луи Зильберфельд с младшим братом купили там небольшое ранчо. Довольно быстро братья сколотили состояние, разводя овец. Брат Августы, убедившись, что средств на воспитание дочери у него теперь достаточно, написал сестре письмо с просьбой прислать к нему Азарию. Для девочек эта разлука стала настоящим испытанием. С тех пор Хелена и Азария постоянно писали друг другу письма, и рассказы об Австралии будоражили воображение сестер Рубинштейн, но особенно они волновали Хелену. Австралия стала для нее волшебной страной, а дяди Зильберфельды занимали почетное место двух Буффало Биллов⁶!

* * *

Шли годы, и для Хелены настало время всерьез подумать об образовании. Она была энергичной смышленной девочкой и потом превратилась в волевою и решительную девушку, которая нисколько не сомневалась в своем предназначении, переступая порог Краковского университета, самого уважаемого учебного заведения в Польше. На традиционный вопрос отца «Кем ты хочешь стать?» она без колебаний ответила: врачом.

– Ну что ж, тебе решать. Без сомнения, это почтенное занятие, но знаешь ли ты, сколько усилий потребует от тебя эта работа?

– Возможно, именно это меня и привлекает больше всего.

– А ты уверена, что это подходящая карьера для женщины?

Но Хелена не желала отступать: она будет врачом. В конце концов Гораций не без удовольствия признал, что дочь настроена решительно. Идеи феминизма только-только появились тогда в Англии и до старого консервативного Кракова еще не дошли, но он уже многое знал о новых веяниях. Его свободолюбивая натура не противилась этим идеям, и он не стал чинить устремлениям Хелены никаких препятствий.

Начиная учебу в университете Кракова, девушка не сразу поняла, что переоценила свои силы. Первые теоретические курсы шли хорошо, но все стало ясно на первом же практическом занятии в операционной. У нее не осталось никаких сомнений в своем будущем: при одном лишь виде крови она сразу же упала в обморок. От запаха антисептиков ее тошнило,

⁵ Это имя – вымышленное, настоящее имя кузины выяснить не удалось. – *Прим. авт.*

⁶ Буффало Билл (1846–1917) – американский военный, охотник на бизонов, который устраивал популярные зрелища «Дикий Запад», воссоздающие картины из быта индейцев и ковбоев.

но она упорно продолжала занятия. Однако вскоре пришлось признать очевидное: учебу необходимо прекратить.

Но отступить было не в характере Хелены. В университете она познакомилась с молодым человеком, который тоже учился на врача, и скоро стало ясно, что она ему небезразлична. Пылкий юноша вообразил, что она отвечает на его чувства, и вскоре стал убеждать Хелену, что есть средство достичь своей цели, стоит просто пойти другим путем. Она не переносит вида крови и запаха антисептиков, и это мешает ей стать врачом, но совершенно не препятствует тому, чтобы стать женой врача! Ее страсть к науке и живой ум – идеальные качества, чтобы стать такой женой, которая способна помочь своему мужу в работе, участвовать в исследованиях и вдохновлять на открытия. Молодой человек был в восторге от своих планов!

Однако их не разделяли Гораций и Августа. Они считали, что дочь еще слишком молода, к тому же сам юноша только начал учиться. Несмотря на более или менее романтические устремления, молодые люди так ни на что и не решились. В любом случае, в то время было немислимо пойти против воли родителей.

* * *

Было решено разлучить молодых людей и отправить Хелену куда-нибудь из Кракова. Девушка сначала не хотела уезжать и воспринимала свой отъезд как наказание. И все же позднее, когда легенда о безнадежной любви перестала занимать ее, она призналась, что в глубине души вовсе не была против этого дерзкого плана, так отвечающего желаниям ее неустрашимой натуры. Покинуть насиженное место и уехать! Она говорила потом, что, хотя сердце ее было разбито, она не очень противилась этому решению и только из принципа возражала против увлекательного путешествия. Через какое-то время, раздумывая над предстоящим приключением, она поняла, что все происходящее ей нравится.

В конце концов она притворилась, что согласна с мнением родителей – лучше отдалиться от молодого студента и быстрее забыть его несбыточные мечты. Была и еще одна причина, которую она хотела открыть родителям: Хелена надеялась, что это путешествие приведет ее в Колерен, маленький австралийский городок, где находилось ранчо дяди. Тогда она снова встретится с милой кузиной Азарией!

Такое дерзкое путешествие было непередаваемо увлекательным приключением для девушки ее лет! Это происходило в 1891 году, когда Хелене исполнилось девятнадцать. Стоимость такой поездки исключала всякую возможность взять с собой компаньонку, и ей пришлось ехать одной. Мать продала несколько драгоценностей, и приготовления к отъезду начались.

Августа была заботливой матерью, и ей хотелось, чтобы дочь увезла что-нибудь на память о ней: собирая чемодан Хелены, она положила туда несколько баночек крема Модески. Августа наказала дочери беречь нежную кожу – жгучее тропическое солнце и ветра Индийского и Атлантического океанов не щадят лицо. Хелена, конечно, молча все выслушала, но мысли ее уже были далеко. Она с нетерпением ждала отъезда как начала своей настоящей жизни.

* * *

Наконец этот день наступил.

Но внезапно в самый последний момент разразилась драма, поставившая путешествие под вопрос. Августа объявила, что не может отпустить свою девочку так далеко одну. Не смея открыто признаться матери в страстном желании уехать, Хелена решила поговорить с

Горацием. Он очень спешил отправить дочь подальше от назойливого студента и надеялся, что Австралия станет для нее началом новой жизни. Наконец ему удалось убедить Августу, и она согласилась отпустить дочь при условии, что они будут сопровождать ее до Бремена. Решено! Поручив семь младших дочерей заботам старой тетушки, родители отправились с Хеленой до немецкого порта на Северном море, откуда она должна была продолжать путь уже одна.

Волоча за собой чемодан вдвое больше ее самой, Хелена в сопровождении родителей еле-еле забралась в вагон. Сумма, вырученная за украшения, не позволяла ехать первым классом, но на поездку в вагоне второго класса денег хватило. Комфортность второго класса, конечно, вполне относительна, но там можно было сидеть и не толкаться, как скот в загоне. Раздался гудок, из трубы паровоза повалил дым и закутал перрон. Поезд тронулся.

* * *

Первая остановка была в Берлине, путь туда занял четыре дня. Путешествие показалось слишком долгим Хелене, которая уже совсем не жалела о присутствии родителей. В окне поезда мелькали города, поля, горы... и снова города, поля, горы... Несмотря на снедавшую ее скуку, девушка наслаждалась этими видами – так далеко она еще никогда в жизни не ездила.

Как-то всех пассажиров попросили выйти из вагона. Они вытащили багаж и встали рядом с рельсами. Августа, Хелена и Гораций сидели на своих сумках, поджав ноги, обняв колени руками и не смея глядеть по сторонам. Люди вокруг кричали, громко плакали дети... Человек, сидевший рядом с ними, оказался бывалым путешественником и объяснил, что в поезде закончилась вода. «Придется подождать часа два-три, пока в резервуары не зальют воду», – сказал он.

Наконец был дан сигнал возвращаться в вагон. Началась ужасающая давка, но в итоге все расселись по местам со своим багажом. Ободренные Рубинштейны радостно переговаривались, переводя дух.

Но вот поездка, казавшаяся им бесконечной, все же завершилась. Поезд прибыл в Берлин. Хелена была в восторге, да и ее родители, хотя и старались не показывать вида, были потрясены. Стеклопанель вокзала показалась им выше костела Краковской Божьей Матери. Повсюду разъезжают, тархтя, автомобили на паровых двигателях, везде полно народу! Шум, дым, гам, толкотня...

Когда прошел первый восторг, Рубинштейны осознали, что им придется провести здесь два дня и одну ночь, прежде чем они сядут на поезд до Гамбурга. Денег, вырученных за украшения, не хватало на гостиницу, и им пришлось ночевать на переполненном вокзале. Это была, возможно, самая длинная ночь в жизни Хелены. Дым от дешевых сигарет смешивался с запахами мочи и пота, кашель стариков и плач детей не давали спать...

Наконец появился окутанный дымом огромный паровоз. Казалось, что пассажиры, которые тоже ехали из Берлина в Гамбург, были вежливы, неторопливы и лучше одеты, чем остальные. Публика в поезде была спокойной и уважаемой. Как и в Кракове, раздался гудок, из трубы повалил дым... Хелена прильнула к окну. По перрону бежали люди и махали платками. Женщины плакали, мужчины протягивали им из окон руки...

Снова в окне замелькали поля и города. Начался холодный дождь, и в вагоне сразу стало очень зябко. Они сидели, прижавшись друг к другу...

Путь до Гамбурга был гораздо короче. Маленький поезд, который должен был доставить их в Бремен, уже стоял на перроне. На этот раз деления на первый, второй и третий класс не было, каждый садился где хотел. Тяжелый чемодан Хелены еле поместился под сиденье, но спустя несколько часов трудное путешествие подошло к концу.

Уже покидая Гамбург, Августа опять разразилась причитаниями – она была в отчаянии от того, что скоро придется расстаться с дочерью. Хелена сухо ответила, что идея этого путешествия принадлежала не ей, и Августа замолчала, прижав к глазам платочек.

* * *

При виде парохода сердце Хелены забилося чаще, хотя она немного обеспокоилась, услышав об «агентствах эмиграции», которые обманывают наивных эмигрантов, чаще всего приехавших из Гамбурга. Выманив у них приличную сумму, агенты «высылают» куда-то своих жертв на утлых суденышках.

Внушительный вид парохода, на котором ей предстояло плыть, немного успокоил Хелену. Поднимаясь по трапу с Августой и Горацием, она заметила, что некоторых пассажиров заставляют спускаться на нижнюю палубу. Каюты там напоминали холодные и сырые деревянные ящики. Родители схватили ее за руку и повели к капитану: на этот раз Хелена решила повиноваться.

Капитан показался ей слишком молодым для своей должности. Его круглое, почти детское лицо обрамляли жидкие рыжие бакенбарды, а от взгляда его пронзительных незабудково-голубых глаз Хелене сразу стало не по себе. Молодой человек был невысокого роста, но держался очень высокомерно и властно и от этого казался гораздо выше. Но он внимательно выслушал и пообещал родителям Хелены приглядывать за ней до конца путешествия.

Настало время прощаться. У Горация и Августы больше не было ни минуты – их поезд уже ждал на перроне. Спешка помешала прощанию растянуться надолго: Августа бросилась на шею дочери, которая мягко, но твердо отстранилась. Потом Хелена обняла отца, изо всех сил напускавшего на себя равнодушный вид. Стоя на палубе, она провожала родителей глазами, пока их хрупкие силуэты не растворились среди толпы на пристани.

Старая жизнь закончилась. Начиналось новое время.

* * *

Зима 1892 года. Первые лучи солнца золотят горизонт, и плотный туман, окутывающий порт Бремерхафена, постепенно рассеивается. Силуэты огромных грузовых судов начинают проступать сквозь утреннюю мглу. Еще не развеялась рассветная розовая дымка, а на пристани уже началась суматоха. Едва различимые фигурки торговцев, моряков и будущих пассажиров мечутся вдоль набережной, сталкиваются друг с другом, суетятся.

Хелена зябко ежится, накинув на плечи шаль. От холода стынут щеки, а резкий морской воздух, который она вдыхает полной грудью, кажется воздухом свободы, от которого кружится голова. Она дрожит в ознобе, словно от страха, но не покидает палубу. Она хочет запомнить этот отъезд, увидеть, как берег скроется из глаз, и посмотреть в лицо своей новой жизни.

Теперь уже день полностью вступил в свои права. Железные махины огромных пароходов, выпускающих из труб клубы дыма, четко видны на фоне синего неба. Грузчики толкают перед собой большие тележки, нагруженные ящиками, на которых крупно написано: *Narag*, *Krupp* или *Mannesmann*. Вдалеке разгружаются рыбацьи лодки. Ночь была для рыбаков удачной: прямо на земле бились всевозможные незнакомые Хелене рыбыны. Их запах привлекал множество чаек, которые, резко крича, кружились над серебристой шевелящейся грудой. ... Девушка наклонилась и посмотрела в воду – темно-зеленая поверхность выглядела устрашающе. Она чувствовала запах йода и водорослей. Подняв взгляд, Хелена посмотрела на море – и странно: спокойная морская гладь не показалась ей страшной. Бремерхафен – внешняя гавань Бремена, был построен в устье Везера и защищен от сильных ветров и бурь.

Эстуарий этой реки, длинный и довольно глубокий, был важным портом для Германии Второго рейха.

* * *

Итак, Хелене скоро исполнялось двадцать лет, и она отплыла на пароходе в Мельбурн навстречу своей удивительной судьбе... Она не знала, что ждет ее впереди, но была уверена: Австралия обязательно станет ее мостиком в прекрасное будущее.

Хелена уже была совсем взрослой барышней. Не красавица – она была очень маленького роста, едва ли метр пятьдесят, – но девушка не без определенного очарования. Свои иссиня-черные волосы она убирала назад и перехватывала лентой в цвет платья. Губы у нее были очень тонкие, глаза широко посажены, а нос с горбинкой придавал ей сходство с хищной птицей – потом она будет подчеркивать эту особенность. И все же эта миниатюрная девушка была необъяснимо притягательна. Возможно, чувствовался ее волевой характер, который выдавала слишком уверенная для ее возраста манера держаться. У нее был странный акцент – она картавила, острый аналитический ум и пронизательный взгляд, который мог пронзить собеседника или же проскользнуть мимо. Она была неотразимо привлекательна всю жизнь...

Ее мечтам скоро суждено было сбыться. Австралия! Хелена практически ничего о ней не знала, но была уверена, что эта страна – рай для молодых девушек. С развитием мореходства эта часть света перестала быть недостижимой. Могучие империи были очень заинтересованы в Тихом океане, острова там были идеальными военными базами, пунктами телеграфной связи и местом добычи промышленного сырья. Голландия, Великобритания, Франция и Германия, недавно обозначившая свои интересы, – все хотели как можно быстрее установить там свой колониальный режим.

Хелену ждал долгий путь – семь недель в море. Уезжая, она мысленно прощалась с родиной, с родителями (которых увидит с тех пор всего один раз), с интеллектуальным Краковом, который окружал ее все двадцать лет, со своим гетто... Официально его уже не существовало, но квартал Казимирец, притулившийся между развалинами Вавельского замка из красного кирпича и старым городом, всегда был населен только евреями. Она прощалась и со своей первой любовью, что, впрочем, не было для нее трагедией. Несмотря на то что со временем Хелена стала рассказывать историю о разбитом девичьем сердце, реальность не была так романтична.

Она пыталась разумом оправдать свой отъезд. Поскольку в семье не было сына, а она была старшей из восьмерых детей, Хелена говорила себе, что нужно зарабатывать деньги и помогать родителям. И наконец, отъезд в чужие страны был своеобразным бегством от несчастий ее народа.

* * *

Евреям приходилось очень тяжело в то время. Шквал антисемитизма обрушился на Германию, Францию и Россию. После покушения на императора Александра II 1 (13) марта 1881 года царское правительство решило направить народный гнев против евреев. В преступлении была замешана молодая еврейка народоволка Гесья Гельман⁷.

Последовала череда погромов на юге России. В Киеве 6 апреля 1881 года, в семь часов утра, разъяренная толпа заполонила улицы города, разоряя еврейские дома. К вечеру

⁷ Гельман, Гесья Мироновна (1854–1882), приговаривалась к смертной казни, которая в связи с беременностью была заменена бессрочной каторгой.

обстановка ухудшилась, потому что, прослышав о том, что грабят евреев, в город хлынули крестьяне из окрестных деревень. Равнодушные люди, не имевших прямого отношения к пострадавшим еврейским семьям, было удивительным. Надо сказать, что в то кризисное время негласно дозволялось по ночам совершать набеги на гетто – грабить, насиловать и даже убивать. Силы правопорядка закрывали глаза на это и не вмешивались.

Подобные зверства продолжались в России на протяжении двадцати лет. Польские евреи напуганы, но погромы не затронули Польшу, в частности Краков и окрестности, которые после третьего раздела Польши отошли к Австрии и Пруссии. Тогда много евреев из России и Польши бежали в Соединенные Штаты и Канаду. Для Хелены Австралия стала страной, где началась ее новая жизнь в прямом смысле этого слова.

* * *

Обширные австралийские земли, куда вместо британских каторжников приезжали теперь авантюристы всех мастей, сильно будоражили воображение Хелены.

Такое путешествие для совсем молодой девушки было очень опасным предприятием. Впрочем, ее независимый характер был надежной защитой. Возможно, именно благодаря свободной манере держаться и уверенности в своих силах она во время плавания на корабле получила целых три предложения руки и сердца. Она отклонила все три. Судьба ее была иной! Хелена не собиралась возвращаться на родину и была не из тех людей, что оглядываются назад.

Глава 3. Австралия

В порту Мельбурна царила необыкновенная суета, и Хелена не сразу поняла, что за девушка бросилась ей на шею, когда она сошла по трапу на пристань. Дочь дяди Луи, с которой она рассталась много лет назад, очень изменилась. Ее наряд показался Хелене немного смешным и старомодным, но ведь она стала настоящей ковбойкой, живущей в буше⁸ – Хелене и самой не терпелось поскорее побывать там. Дядя Луи, по-отечески поцеловав ее в лоб, подозвал двух старых заключенных, которые работали на него и брата, чтобы погрузить багаж на дно двуколки, которую тащили три лошади. Каторжники сели возле чемоданов, Хелена устроилась спереди на скамейке для троих человек, между Азарией и дядей Луи, который дернул поводья и прищелкнул языком. Повозка медленно тронулась...

Прием не показался ей особенно теплым. Конечно, кухня была очень счастлива вновь видеть ее, но дядю Луи Хелена почти не помнила. Она видела его всего два-три раза в Кракове, когда была совсем маленькой. Поэтому Хелена совсем не разочаровалась его сдержанностью – она была слишком счастлива, что наконец началась новая жизнь, о которой она столько мечтала. Азария же болтала без умолку: ей хотелось знать все о жизни в Кракове и об университете.

* * *

Старый Мельбурн, где старинные деревянные дома соседствовали с роскошными виллами, быстро остался позади. Долгая дорога от Мельбурна до Корелана показалась юной польке бесконечной. Но пейзаж ей понравился, ничего угрожающего вокруг она не чувствовала. Корелан расположен в штате Виктория, в двухстах пятидесяти километрах к западу от Мельбурна. Климат там самый мягкий на континенте, и течет множество рек, в том числе Муррей – самая большая река Австралии. Хелена вспомнила, как друзья перед ее отъездом описывали ужасный австралийский климат, и приготовилась к пересечению бесконечных пустынь. Но, к своему удивлению, обнаружила, что они проезжают зеленые леса, где росли эвкалиптовые деревья, гигантские папоротники и крупные кусты перечной мяты. Незнакомые запахи приятно щекотали ноздри. Ее все восхищало – вот коала ест листья эвкалипта, а за ее спину цепляется малыш; вот два огромных кенгуру выпрыгнули на дорогу прямо перед носом у лошадей, которые от неожиданности зафыркали и встали на дыбы... Хелена даже не могла вообразить себе таких птиц и зверей! Она с изумлением наблюдала за полетом больших и ярких розовогрудых какаду – все казалось ей прекрасным и замечательным...

Когда наступила ночь, дядя Луи наконец заговорил. Они въезжали на земли Зильберфельдов, окружавшие его *sheep station* – австралийское ранчо, где разводят овец. Хелена поначалу решила, что путешествие на этом окончено, но им пришлось проехать еще много километров, прежде чем вдалеке показалась громада дома. Ночь была очень темной, и брат дяди Луи вышел им навстречу с лампой в руке. Спина у Хелены разламывалась, и все так устали, что даже Азария наконец замолчала. Есть не хотелось, и Хелену сразу отвели в комнату, которая отныне станет ее спальней. Там она сняла шляпку, сбросила ботинки, скинула прямо на пол платье и, дрожа, легла на постель, даже не сняв нижней юбки и лифа. И тут же погрузилась в глубокий сон.

⁸ Буш (от *англ.* bush – кусты, кустарник) – обширные неосвоенные пространства, поросшие кустарником или низкорослыми деревьями.

* * *

Когда она проснулась, солнце поднялось уже высоко. Все давно разошлись по своим делам. Землю за ночь покрыл тонкий слой снега, и теперь он постепенно таял под лучами зимнего солнца, обнажая зеленые ростки, которые, несмотря на холодное время года, уже изо всех сил тянулись ввысь. Потом Хелена, конечно, поняла, почему Викторину называли в Австралии штатом садов. Но она так никогда и не узнала, почему и как ее польский дядюшка поселился со своими овцами именно здесь.

* * *

Возможно, братья Зильберфельд пошли по тому же пути, что и все колонисты до них. В отличие от Сиднея, Мельбурн был основан двумя свободными поселенцами – Джоном Бэтманом и Джоном Паскоу Фокнером, которые в 1834–1835 годах обосновались на землях около устья реки Ярры⁹. Они назвали свою деревню по имени английского премьер-министра лорда Мельбурна. Богатые земли этого края привлекали все больше колонистов из соседней Тасмании. Но влекли их не столько зеленые пастбища и цветущие сады, сколько золотые прииски. После того как в 1851 году на севере Мельбурна нашли золотые самородки, туда сразу хлынули золотоискатели. Старатели приезжали со всех концов Европы, из Америки, Китая и, конечно, самой Австралии. Вначале они работали поодиночке, пробивая небольшие колодцы, но вскоре запасы золота на поверхности истощились. Старатели вынуждены были собираться вместе, чтобы пробивать глубокие шахты. С 1860 года в эти места стали приходить большие горнопромышленные компании, и рудокопов-одиночек становилось все меньше. Некоторые нанимались наемными старателями, другие возвращались домой, чтобы снова заняться животноводством.

Производство шерсти приносило немалый доход, и многие бывшие золотоискатели сделали состояние на мериносах.

Братья Зильберфельды, отпрыски семьи банкиров, тоже, вероятно, были привлечены золотыми приисками. Потом из диггеров¹⁰, таких же нищих, как и все остальные, они превратились в стокменов (австралийских ковбоев, которые пасли большие стада овец) и в конце концов купили свою собственную ферму.

В мемуарах Хелена рассказывает об этом по-другому¹¹. Луи Зильберфельд якобы был окулистом, но поскольку Колеран – городок маленький, работы было немного, и разведение овец стало его вторым занятием. В принципе возможно, что у него был свой лоток на рынке, где среди прочего продавались очки, ну а чтобы сводить концы с концами, он завел стадо овец!..

⁹ Родившийся в окрестностях Сиднея Джон Бэтман (1801–1839) переехал в Тасманию, где занялся животноводством. Решив поселиться в деревне на северном берегу бухты Порт-Филипп, он убедил местных аборигенов подписать договор: ему отдавалось 400 000 га земли в обмен на разные товары. Сославшись на эту мошенническую сделку, он поселился на этой земле, но одновременно туда приехал другой тасманский колонист, его соперник Джон Фокнер, который, в отличие от Бэтмана, ничего не «покупал».

¹⁰ От английского глагола to dig – рыть, копать. Диггерами в 1850-е годы называли золотоискателей. С 1914 года так стали называть австралийских солдат.

¹¹ Каждый эпизод своей жизни Хелена Рубинштейн излагала в нескольких вариантах. Она любила придумывать разные истории, но часто рассказывала об одном и том же происшествии по-разному во всех своих так называемых мемуарах – книге на английском языке «Жизнь за красоту», книге на французском – «Я – косметолог» и в биографии, написанной ее секретарем Патриком О'Хиггинсом.

* * *

Хелена быстро разочаровалась в жизни на ранчо. Она терпеть не могла деревенскую жизнь, еще больше – буш, эту сельскую Австралию, которая и сейчас является важнейшей сферой местной культуры. Еще хуже было то, что женщинам запрещалось заниматься какой-либо работой и они жили в полной праздности. Азария, которую Хелена называет «прекрасной бабочкой», хорошо приспособилась к этому беззаботному существованию, но для самой Хелены оно оказалось невыносимым. Была запрещена даже работа по дому, ведь заниматься кухней, чистить мебель, следить за прислугой – все это считалось неприличным для молодых девушек из хороших семей.

Одним словом, Хелена заскучала. Она, которая одна вела хозяйство целой семьи, да еще и участвовала в делах отца, не могла выносить это вынужденное безделье. Почти каждую ночь она плакала. Раздражало даже то, что могло бы стать приятным развлечением. Довольно быстро она стала искусной наездницей, но и это занятие допускалось только в виде легкой забавы. «Как я могла выносить верховую езду, когда все вокруг, казалось, просто родились на лошади?» – говорила она впоследствии¹². Но больше всего она ненавидела манию младшего дяди таскать ее на пешие прогулки по окрестностям. Это было очень утомительно: приходилось ходить в туфельках на каблуках, потому что купить ботинки ей было не на что.

Все шесть месяцев, что она провела в Колеране, Хелена посещала начальную школу, которой руководили две старые девы – барышни Круч и Аррояве. Там она начала изучать английский. И именно там ей впервые стали говорить комплименты за бледный цвет лица. «Новые друзья в Колеране восхищались молочным оттенком моей кожи, – рассказывала она. – А ведь в Кракове все девушки были такими! Но в Австралии женщины были загорелыми, с обветренными щеками, так что моя бледность горожанки казалась им поразительной»¹³.

* * *

Была и еще одна причина для разногласий с дядей.

Луи Зильберфельд превратился в настоящего *ocker* (окера): у него появился австралийский акцент, его поведение и мировоззрение полностью соответствовали ценностям австралийских рабочих и жителей буша. Он ценил прежде всего океризм¹⁴, даже гордился своим стилем, немного в манере актера Пола Хогана, современного австралийского «Крокодила Данди». Такого поведения Хелена не выносила. Иногда она даже открыто смеялась над ним. Дружить с Азарией у нее тоже уже не получалось. Несмотря на то что девушки были очень привязаны друг к другу, они слишком долго прожили в разлуке, чтобы сохранить свою дружбу. Увлечение кухни жизнью в буше, о которой она столько восторженно писала Хелене в Краков, было непонятно молодой польке. Отец вырастил и воспитал ее не в материальной роскоши, но с любовью к богатствам искусства и науки. Хелена поняла, что устала от буша, огромного, бесконечного и негостеприимного, где эвкалиптовые леса чередовались с пустынями и солеными озерами. Она захотела уехать в город, и Азария не стала ее отговаривать.

¹² «Я – косметолог», *op. cit.*, с. 41.

¹³ «Жизнь за красоту», *op. cit.*, с. 42.

¹⁴ Австралийский вариант франкофильства. Приверженность тому, что считается австралийским образом жизни.

Одно деликатное обстоятельство только укрепило это решение. Хелена заметила, что во время их бесконечных пеших походов по окрестностям, неуклюже суетясь вокруг *billy* – маленького котелка, в котором бушмены готовили себе чай на костре, молодой дядюшка не перестает восхищаться ее бледным лицом и большими темными глазами. Она будоражила в нем воспоминания о родной Польше... Он не мог больше противиться этому очарованию и в конце концов сделал ей предложение, пообещав блестящее будущее хозяйки австралийской фермы. Такая перспектива и их разница в возрасте ужасали ее. Она категорически отвергла все его ухаживания.

* * *

Однажды Хелена прогуливалась по рынку в соседнем городке и познакомилась со старым аптекарем, который пригласил ее к себе работать. Она с восторгом согласилась. Неизвестно, что нравилось ей больше – сама работа или просто возможность чем-то заняться. Она увлеклась приготовлением лекарств, рецепты которых придумывала сама. «Надо признать, что это было моим предназначением – я умела готовить мази, травяные настои и притирания, – вспоминала она. – Я получала от этого огромное удовольствие, а еще больше мне нравилось изучать труды по фармацевтике, искать новые рецепты и формулы. Именно в то время я всерьез заинтересовалась химией и косметологией».

Но дядюшкам эта затея совсем не понравилась. Они считали, что это вполне достойное молодой польки занятие роняет ее в глазах австралийского общества. В конце концов Хелена была вынуждена отказаться от работы.

* * *

Ее ждали новые возможности: друзья дяди предложили Хелене стать гувернанткой их детей. И хотя нельзя сказать, что детей она любила больше всего на свете, все же это было спасением от скучной жизни на ранчо. Она сразу же уехала, и удача наконец улыбнулась ей. Это были очень приятные люди, которые относились к ней как к дочери.

Семейство дружило с лордом Лемингтоном, губернатором Квинсленда, и он часто бывал у них в доме. Вокруг этого английского лорда, человека очень заметного, собиралась компания космополитов, в основном европейцев. Многие молодые европейские дамы, особенно англичанки, жаловались на губительное действие австралийского солнца, ветра и пыли на их нежную кожу. Оказавшись в жестком австралийском климате, они очень страдали от того, что их лица покрывались загаром, а кожа грубела: загар тогда не был в моде. То, что у Хелены сохранялся нежный цвет лица, казалось им просто чудом. Хелена призналась, что никакого волшебства тут нет – все это результат материнской заботы. Она рассказала о чудесном креме, который мать потихоньку сунула ей в чемодан перед отъездом. Рассказ имел большой успех: теперь все хотели попробовать чудо-крем.

Хелена решила написать в Польшу и попросить прислать ей несколько баночек для молодых английских леди. Девушки были в восторге от действия крема: для того времени это было удивительно эффективное средство! Хелена думала о Модеске и Якобе Ликуски, который вместе со своим братом изобрел формулу этого крема. Она восхищалась тем, какое воздействие имеет на людей театр – серьезные специалисты-дерматологи бросают, пусть только на время, свои исследования, чтобы служить женской красоте!

* * *

В 1897 году Хелене исполнилось двадцать пять лет. Слухи о замечательном действии ее крема распространились по всему Мельбурну, и посылки из дома уже не могли угнаться за спросом. В ее голове предпринимателя зреет идея: она пишет братьям Ликуски с просьбой оказать ей любезность и прислать формулу крема. Ее предложение было принято. Тогда она нашла своего старого друга-фармацевта и предложила ему работать вместе: он должен был предоставить ей свою лабораторию для изготовления крема и помещение, чтобы продавать этот чудо-продукт. Для начала она предлагала поделить доход от продаж пополам. Старик согласился.

Аптекарь помогал Хелене доставать необходимые травы, миндальное масло и экстракт древесной коры. Поскольку у него была лицензия на изготовление мазей, то он предоставил девушке также и баночки. Вооружившись ступкой и пестиком, она взялась за дело.

Первые результаты были не очень убедительны. Крем получался то слишком жидким, то слишком густым. И что хуже – запах и цвет у него были довольно неприятные. Хелена работала днями и ночами, добиваясь нужного результата. Еще несколько недель – и она подобрала правильную дозировку всех ингредиентов. Так появилось на свет ее первое средство по уходу за кожей – крем *Valaze*. Немного улучшив формулу, она изобрела еще и утренний крем *Wake – Up Cream* «Крем после пробуждения». А потом еще один – *Jeunesse du teint* «Молодость кожи». Так появилась на свет первая серия косметики Хелены Рубинштейн!

Откуда появилось название *Valaze* («Валаз»), ставшее таким важным в истории марки *Helena Rubinstein (HR)*? Марио Прина¹⁵, подготовивший для Л’Ореаль хронологию самых важных в истории марки дат, утверждает, что это слово ничего не значит по-польски, но вот по-венгерски *valaze* означает «дар небес». Марио Прина считает, что венгерское происхождение братьев Ликуски могло бы стать объяснением. Но когда Патрик О’Хиггинс спросил у Хелены о значении слова *Valaze*, она ответила: «Да ничего оно не значит, просто звучит красиво».

¹⁵ Марио Прина был генеральным директором *Marylin S.r.l. Distribution* в Италии с 1953 по 1971 год, а потом генеральным директором *Helena Rubinstein Italia S.p.a.* с 1972 по 1985 год.

Глава 4. Приключения начинаются

Хелена работала без передышки. С утра и до поздней ночи она готовила крем *Valaze*, раскладывала его по баночкам, наклеивала этикетки, на которых от руки писала название, а потом выставляла на продажу.

В то время салонов красоты и парфюмерных магазинов еще не было. Аптеки были единственным местом, где женщины могли купить средства по уходу за кожей. Хелена обходила шесть или восемь аптек в неделю, предлагая им свой товар. Она твердо решила показать миру, а главное – своей семье, на что способна.

В Австралии у нее, в общем-то, друзей не было. Во время обходов аптек Мельбурна она знакомилась с разными молодыми людьми. Они, конечно, очень интересовались такой молодой и хорошенькой особой, к тому же деятельной и амбициозной, но ей никто из них не нравился. Если же кто-то начинал ухаживать за ней, все заканчивалось тем, что она заставляла несчастного работать на себя. Она очень быстро научилась использовать человеческую привязанность для процветания своего предприятия, и даже ее воздыхатели вынуждены были участвовать в работе! «Я заставляла их расставлять баночки и наклеивать этикетки. Потом они все упаковывали и развозили!»

И все-таки Хелена была девушкой чувствительной и поддалась очарованию молодого журналиста, с которым познакомилась на одном из приемов. Она считала это знакомство настоящей удачей:

«В тот момент в мои двери постучалась удача. Это была лучшая минута моей жизни. И я, конечно, ухватила за этот шанс. Удача, словно фея, приходит неслышно, ступая по облакам. Те, кто притворяется неудачниками, просто не слышат ее шагов. Тогда она обернулась для меня молодым американским журналистом Эдвардом Титусом. Он был очень увлечен искусством и литературой, образован, знал много языков и любил свою работу так, что постоянно находил вокруг что-то новое»¹⁶.

Эдвард Титус (настоящая фамилия Амейсен) тоже был поляком. Он принял американское гражданство и изменил фамилию после приезда в Австралию, чтобы скрыть еврейское происхождение. Эдвард был романтиком, почти литературным персонажем... Он работал для ежедневной газеты «Аделаида» и написал восторженную статью о своей юной соотечественнице и ее чудо-креме. Результат не заставил себя ждать.

У Эдварда появилась гениальная идея: он предложил Хелене разместить в его газете несколько анонсов продаж по почте. Ничего подобного до этого никто не делал. Отклик покупателей превзошел все их ожидания. Хелене пришлось пятнадцать тысяч оплаченных заказов, и с тех пор она всегда использовала возможности прессы.

Но как же их все выполнить? В одиночку и с теми скромными возможностями, которыми она располагала, Хелена ни за что бы не справилась. Она написала клиенткам, высказав просьбу немного подождать. Ей повезло: только одна дама потребовала немедленно вернуть деньги.

Помощь пришла из Польши. Хелене удалось убедить Якоба Ликуски приехать в Мельбурн – дорогу ему она оплачивала из полученных денег. Но проблем не убавлялось! Хелена не хотела больше работать в конторе старого аптекаря.

Она мечтала о собственном магазине, маленьком парфюмерном бутике. А почему бы и нет? Правда, денег у нее было уже не так много, и она решила попросить помощи «английского друга». В статье для журнала *Flair*¹⁷ Соланж Дельсар рассказывает, как подруга

¹⁶ Patrick O'Higgins. Madame, dans l'enfer dore d'Helena Rubinstein. Robert Laffont, 1972, p. 48.

¹⁷ *Flair* – американский журнал, созданный в 1950 году Флер Коулз. За три года до этого она вышла замуж за милли-

Хелены Элен МакДональд, с которой они познакомились во время плавания из Бремена в Мельбурн, с радостью согласилась одолжить ей двести пятьдесят ливров. Этот заем, а также сумма, оставшаяся от полученных по почте заказов, позволила Хелене открыть свой бутик на одной из модных улиц Мельбурна.

А в 1902 году в Мельбурне появился первый в мире салон красоты. Бутик назвали «Салон красоты *Valaze*» – маленькая квартира, которую Хелена полностью переделала. Помещение не очень роскошное, но там было все необходимое: приемные для диагностики и косметические кабинеты, а кухня превратилась в лабораторию. Всю свою жизнь Хелена Рубинштейн вспоминала свой первый салон красоты, всегда называла лабораторию «моя кухня» и говорила, что это было ее любимое место. Дизайном помещения она тоже занималась сама: легкая мебель из ивы и драпировки, сделанные из тканей, подаренных друзьями. И вот – одетая в белое, Хелена встречает первых клиенток...

Верный друг Эдвард Титус уже не расставался с ней. Он стал ее доверенным лицом, помощником и опорой. Эдвард любил всякие хитрости и придумал ей французский образ, постоянно называя ее «Мадам» вместо «мисс» или «миссис». Это обращение осталось с ней навсегда, превратившись в прозвище, идеально подходившее ее от природы властной натуре.

Настоящий знак судьбы! Первой, кто появился на пороге салона, была известная комедийная актриса Нелли Стюарт, хорошая подруга дочерей губернатора Виктории. Она уже была очарована кремом, созданным другой королевой сцены, Модеской, и с таким воодушевлением расписывала чудесные свойства нового средства своим друзьям, что скоро маленький «Салон *Valaze*» уже не мог вместить всех клиентов.

Но Хелена не хотела просто продавать баночки с кремом. Она мечтала давать в своем салоне такие уникальные профессиональные рекомендации, которые нигде больше нельзя было бы получить. Работая в кабинете диагностики, она определила три типа кожи, каждый из которых требовал особого ухода. Она поняла, что необходимо создать такие косметические средства, которые подходили бы каждому типу – сухой, нормальной и жирной коже. Она немного изменяет формулу своего знаменитого крема и создает новые препараты, четко разделяя их на три группы. Но крем *Valaze* остается неизменным – он подходил для всех трех типов. Это открытие стало основой косметологии веком позже, а для 1902 года это была настоящая революция!

Сначала клиентки приходили из любопытства: такой салон был в новинку, но редко кто уходил оттуда, не купив маленькую баночку с надписанной от руки этикеткой. Мало-помалу «Салон красоты *Valaze*» стал модным местом, куда стремились попасть все женщины Мельбурна, даже очень известные. Среди них – знаменитая австралийская певица Нелли Мельба (это для нее, опасавшейся за свое горло и боявшейся есть мороженое, знаменитый французский кулинар Огюст Эскофье изобрел десерт под названием «Персик Мельба»: половинка персика плюс ванильное мороженое и соус из подслащенной свежей малины).

Эдвард Титус старался изо всех сил и везде писал о салоне, так что к доходам от посещения клиентов скоро прибавилось много заказов по почте. В салоне каждой посетительнице давали советы по уходу за собой, основанные на внимательном изучении ее индивидуальных особенностей. Успех был грандиозный! Бутик надо было срочно расширять.

На этот раз Хелена выбрала квартиру из семи комнат, и конечно же с «кухней», где она работала вместе с Ликуски. На письма, приходившие пачками, отвечала секретарша – это были и заказы, и просьбы о консультации. Вспоминая этот переезд, Хелена говорила: «Тогда мне едва ли исполнилось девятнадцать лет». На самом деле ей было уже почти тридцать.

опера Гарднера Коулза, медиамагната, владевшего множеством радиостанций и журналов. Среди них был журнал *Look*, который Флер сумела превратить из довольно бессмысленного развлекательного издания в настоящий культурный альманах, имевший даже определенное политическое влияние. В благодарность муж подарил ей *Flair*. Информация взята из архива общества Хелены Рубинштейн, документ не датирован.

Она попросила приехать свою сестру Цеску, которая изучала химию в Берлине, и та стала ее первой помощницей и коллегой. У Хелены вошло в привычку писать в Польшу и настаивать на приезде сестер и других родственников. Персонал был строго и тщательно подготовлен. Теперь никто не мог сомневаться в ее независимости и стремлении к успеху. «Едва закончилась золотая лихорадка, я привезла свое золото в маленьком чемоданчике», – говорила она.

Настоящая реклама крема и салонов *Valaze* в прессе появилась в 1904 году в одной из газет Мельбурна. Вместе с Якобом Ликуски она создала целую гамму продуктов: средства для ежедневного ухода, к которым прибавились очищающие кремы, лосьоны для проблемной кожи и мыло для чувствительной кожи. В следующем, 1905 году Хелена запускает новый продукт – *Pommade noire* («Черная помада»), первую маску против акне. Эту формулу она создала сама на основе самых современных научных исследований, касающихся инфекций волосяных фолликулов и сальных желез. Через некоторое время в Сиднее и Брисбене тоже появились салоны *Valaze*.

Между тем ее личная жизнь практически замерла. Работа занимала все время и все мысли. Если же каким-то чудом мужчина назначал ей свидание, всегда происходило одно и то же: она просила зайти за ней в салон, а когда он приходил, была так поглощена изготовлением крема или лосьона, что, даже не отдавая себе в этом отчета, тут же давала ему в руки шпатель и просила помочь. Так она отпугнула не одного воздыхателя, и мало-помалу вокруг нее образовалась пустота. Никто уже и не мечтал о ее расположении. Она жила, словно в заключении, маниакально погруженная в работу. Только Эдвард оставался с ней.

* * *

Это было время исканий. Все шло прекрасно, но Хелене хотелось чего-то бóльшего. Демоны прошлого снова стали терзать ее. Она чувствовала себя на распутье: с одной стороны, ее одолевали сомнения в себе и своих знаниях, с другой – ей хотелось продолжать эксперименты.

Судьба давала ей шанс: в тот момент она фактически находилась на пороге открытия профессии косметолога. «Передо мной было два пути: один легкий и блестящий, другой – рискованный и трудный, но обещающий много открытий». Если говорить проще – она могла либо продолжать продавать свой крем, который был очень популярен, и сразу же, без особых усилий сделать состояние, либо же избрать другой путь – посвятить себя научным исследованиям, целью которых было служить красоте. Она выбрала второе.

Хелена все больше убеждалась, и была потом уверена в этом всю жизнь, что красота связана, прежде всего, с научными исследованиями. Она твердо стояла на земле и отказывалась поддаваться песням сирен об эликсире молодости. В волшебные напитки она не верила – нужно было все исследовать и точно знать, что ищешь. Должны были существовать научные решения вечных проблем – иссушающего влияния солнца и ветра и возрастной потери упругости кожи. Она была уверена: запустить механизмы регенерации, замедлить процесс старения и появление морщин, вернуть упругость тканям и мышцам – возможно! Она проводила ночи напролет, пытаясь найти ответы на вопросы: как действуют диета и упражнения на тело и лицо? Можно ли изменить пропорции тела? Есть ли средства исправить природные недостатки, что-то предотвратить, а что-то улучшить? Хелена все время задавала себе эти вопросы... Она понимала, что ответы, возможно, приведут к осознанию того, что красота – это диктатура, которой женщина должна будет подчиниться. Ответы были ей необходимы.

Получить их было возможно лишь путем исследований... Надо было погрузиться во все науки, которые так или иначе занимались изучением того, как работает механизм человеческого тела. Она решила заняться серьезными исследованиями и создать доктрину, которая выведет формальные правила того, как стать красивой. Приключения продолжались.

Глава 5. Завоевание Европы

Хелена рвалась к знаниям так же, как и тогда, когда стояла на пороге Краковского университета. В тридцать три года¹⁸ она поняла, что перед ее ненасытным умом открываются безграничные возможности: медицина, химия, физика, биология, анатомия и даже механика. Она хотела все это изучить, все понять.

Решение было довольно смелым. Она стала совершенно свободной женщиной, работающей только на себя без надзора и ограничений – исключительный случай для девушки того времени. К тому же она получала от своей деятельности приличный доход. И вот теперь она хочет все бросить, чтобы стать обычной студенткой! Никто ее не поддерживал в принятом решении, а некоторые друзья даже пытались отговорить. Безрезультатно.

Однажды вечером, сидя у себя в салоне после особенно плодотворного дня, она завела с Цеской разговор о создании филиалов. Хелена раздумывала о двух возможностях: либо вести спокойную обеспеченную жизнь, создавая небольшие салоны по всей стране, либо с головой окунуться в эксперименты и исследования, чтобы начать более амбициозные проекты. Ее терзали сомнения и нерешительность, но от желания новых свершений кружилась голова. Сказавшись нездоровой, она ушла домой раньше, оставив Цеску прибрать и закрыть салон. В тот вечер она непривычно рано для себя вернулась домой. Ей надо было остаться одной и подумать. Ночь прошла без сна, она прокручивала в голове свой план, взвешивая все «за» и «против». Ей даже показалось, что у нее лихорадка. Внутренний голос твердил: «Красота – это твое царство, твоя страна, Хелена. Непокоренная страна. Завоюй ее!» Хелена понимала, что косметология еще оставалась областью неизученной и непонятной, но если хорошо за все взяться – это могло бы стать идеальным коммерческим предприятием. Чтобы избежать ошибок, нужно было детально изучить свойства кожи – только тогда удалось бы создать эффективные средства для устранения дефектов. Уставшая, но уже уверенная в выбранном пути, Хелена приняла на рассвете окончательное решение: она должна уехать.

* * *

Она оставила управление салоном в Мельбурне на Цеску и села на корабль, отправившийся в Европу. Путешествие началось в Польше, в средневековом Кракове, – она вновь увидела родителей. В городе ничего не изменилось, словно время там остановилось. Все занимались своими делами в своих маленьких лавочках, притулившихся на улочках, обрамлявших Главную рыночную площадь. Старики прогуливались от Ботанического сада до Обсерватории и обратно. Она спрашивала себя, что же можно было выращивать в одном и что наблюдать в другой... Жизнь в Кракове казалась ей однообразной и скучной, изо дня в день повторялось одно и то же – никаких потрясений, никаких сюрпризов.

Этот сонный город помог ей осознать: изменилась она сама, ее жизнь и всё изменилось, потому что она уехала. Ей открылась Австралия – совершенно другой континент, там она встретила потомков старой Европы, которые построили там новый мир! Это был очень важный этап. Путешествие всегда заставляет человека принимать лучшие решения. Приезд в Краков убедил Хелену, что будущее зависит только от нее и все возможности нужно созда-

¹⁸ В книге «Я – косметолог» Хелена пишет: «Это было вдохновляющее предприятие для девушки двадцати лет». Если мы примем за истинную дату ее рождения 1872 год, то в 1905-м ей было не меньше тридцати трех лет. Даже если считать ее годом рождения 1870-й, то в этот период ей исполнился тридцать один год, а никак не двадцать! Всю жизнь она скрывала свой истинный возраст, но, судя по фотографиям, она могла себе это позволить.

вать самой. И тогда она становится «страстно увлеченной своим делом, нищей странствующей студенткой».

В течение целых двух лет, с 1905 по 1907 год, она посещает сначала Вену, потом Дрезден, Берлин, Мюнхен, Лондон и Париж. Зачатки научных знаний, полученных в университете, к которым прибавились личные изыскания, позволяли ей точно определить, что нужно еще узнать, какие лекции посещать и какими экспериментами заниматься. Всю жизнь ее карьера строилась на научных изысканиях и изучении новейших исследований и открытий. Наука – главное, от чего зависит изобретение новых средств по уходу, и без этого, по ее мнению, развитие косметологии невозможно.

Она составила обширную библиотеку, состоявшую в основном из немецких и австрийских изданий. Многие книги испещрены пометками и записями на полях; среди них две книги на французском; одна из них посвящена рецептам изготовления капиллярных красок, пудры, лыжной мази, зубной пасты, лосьонов, кремов, гелей и так далее. Из книги вырезано ножницами предисловие и пятая глава под названием «Нежная косметика: кремы, кольд-кремы¹⁹, глицериновые гели, масла, бриллиантины». Это произведение, возможно, вдохновило ее на создание какого-нибудь средства.

Путешествуя, она старалась встречаться с известными химиками и другими знаменитыми учеными, например с профессорами Кардвеллом в Лондоне, Унной в Гамбурге, Пинкусом и Шамбароном в Париже, и даже стала ученицей доктора Каппы в Берлине. Несколько лет спустя дерматолог Пауль Герсон Унна станет первым, кто начнет исследования в области, которая и сегодня актуальна: он стоит у истоков открытия водно-масляного эмульгатора Эвцерита.

Это был первый эмульгатор, комбинирующий воду и масло так, что получалась увлажняющая эмульсия устойчивой консистенции. Он стал настоящим прорывом в косметологии. До сих пор косметика на основе жиров и масел – и животных, и растительных, быстро портилась. В 1911 году немецкий коммерсант Оскар Тропловиц предложил другой способ производства, изобретенный химиком Исааком Лившицом и дерматологом Паулем Герсоном Унной: соединение Эвцерита с глицерином, к которому добавлялась капля лимонной кислоты, а для запаха – эфирные масла розы и ландыша. У них получился новый крем безупречного белого цвета, одновременно увлажняющий и питательный, названный за это *nivius*, что по-латыни означает «белый как снег». Так появился на свет крем *Nivea*²⁰. С тех пор использование эмульгатора Эвцерита для соединения воды и масел стало традиционным в косметологии (Лившиц назвал его эвцеритом, что означает «прекрасный воин»).

В Берлинском университете знаменитый косметолог согласился принять ее в качестве ассистентки. В Париже она познакомилась с Марией Склодовской, полькой по происхождению, как и она сама, которая приехала работать на кафедре общей физики и радиоактивности, созданной в Сорбонне для ее мужа, Пьера Кюри. Но он вскоре погиб в результате ужасного несчастного случая (19 апреля 1906 года Кюри, переходя в дождливый день улицу в Париже, поскользнулся и попал под экипаж. Колесо телеги раздавило ему голову, смерть наступила мгновенно. – *Прим. ред.*), и Мария стала первой женщиной, которая заняла подобный пост. Хелена заинтересовала ее тем, что попросила показать ей «кухню, где был изобретен радий». Женщины очень понравились друг другу. Мария подтвердила ее мнение, что «кожа – это предохранительный клапан живого механизма тела». В то время, в 1906 году, анатомия кожи уже была довольно хорошо изучена, а вот ее физиология – гораздо меньше.

¹⁹ Кольд-крем – ароматизированная эмульсия воска и спермацета в равных количествах и какого-либо масла, обычно миндального.

²⁰ Эти сведения опубликованы в журнале *Le Monde* 18 октября 2002 года в статье, посвященной выставке *Exposition Nivea* по случаю девяностолетия марки.

Этот вопрос в 1900 году только-только возник. Беседы с Марией Кюри утвердили Хелену в убеждении, что развитие косметологии невозможно без научных исследований.

* * *

В 1907 году Хелена возвращается в Мельбурн. Цеска прекрасно справилась со своей задачей, и клиентов у салона не убавилось. Еще один человек ждал ее там: Эдвард Титус очень хотел снова увидеть «Мадам». Она тоже радовалась их встрече – долгая разлука показала: его присутствие рядом с ней было не только полезно, но и очень приятно. И даже больше – она поняла, что ей его не хватало. Эдвард был прекрасным собеседником, с ним никогда не было скучно. Теперь они виделись все чаще.

Хелена вернулась, полная решимости воплощать новые идеи и проекты. Столько всего нужно было сделать! Обучить ассистентов, начать проводить кинезитерапию²¹, которая до этого практиковалась только врачами... Хелена хотела использовать этот метод для коррекции физических недостатков. Кроме того, она увлеченно работала над созданием новых средств, которыми хотела дополнить действие крема *Valaze*. Еще она собиралась заняться перепланировкой салона – добавить несколько новых кабинетов диагностики и комнат для косметических процедур.

И тут Хелена столкнулась с неожиданной проблемой, о которой даже не задумывалась раньше: нужно было победить недоверие самих клиенток, их страх перед неизвестным и непонятым. Они, конечно, понимали, что средства по уходу необходимо использовать и следить за собой нужно, но не хотели, чтобы их знакомые и подруги знали, что они посещают косметический кабинет. Именно тогда настал поворотный для общества момент – Хелена становится творцом нового восприятия людьми себя и своей повседневной жизни: она создает «идею жизни в современном обществе, когда мы стремимся улучшить себя, сделать свое лицо безупречным, фигуру соблазнительной, а походку спортивной».

Хелена развернула бурную деятельность, и работа пошла в таком темпе, о возможности которого она даже не подозревала раньше. Каждый день ставил новые задачи и приносил новые проблемы, и она училась приводить в движение даже самые маленькие винтики своего предприятия. Близкие говорили, что она слишком много работает сама, и советовали довериться специалистам. Но спорить с ней было невозможно, она повторяла: «Как я могу управлять ими, если сама не умею выполнять того, что требую?»

Она открыла салон в Сиднее. Заказов по почте приходило невероятное количество... Австралийские женщины были счастливы приблизиться к идеалу красоты по пути, который предлагала им Хелена Рубинштейн.

Она с большим усердием и продуманно занималась убранством своих салонов и создавала там приятную творческую атмосферу. Считая украшение интерьера очень важным делом, она начала собирать коллекцию произведений искусства, которая станет знаменитой на весь мир. Искусство и красота были для нее неотделимы: «Изучение художниками пропорций и искусства композиции, будь то для создания четких линий египетской скульптуры или светлой гармонии полотен Клода Моне, напоминает мне работу стилиста-косметолога, который старается придать женскому лицу и телу совершенные черты и в покое, и в движении». Она повторяла, что на дверях любого салона красоты можно выбить ясные и смелые слова, которыми в 1509 году Фра Лука Пачоли ди Борго озаглавил свой трактат по эстетике: *De divina proportione* – «О небесных пропорциях».

²¹ Кинезитерапия – один из методов оздоровления путем выполнения определенного комплекса упражнений лечебной гимнастики для восстановления психофизического комфорта личности.

Воображение ее не знало удержу. Мельбурн был нужен, чтобы отточить мастерство: она нашла свой путь, она поняла, что служит ей идеалом. Но Австралия находилась слишком далеко от цивилизованного мира и была страной скучноватой. Хелена мечтала о переезде в Европу...

Все время, пока Хелена воплощала в жизнь свои мечты и строила планы, Эдвард был ее заботливым и усердным вассалом, и их отношения становились все более доверительными и близкими. Однажды он прямо сказал ей: «Хелена, с удовольствием замечаю, что вы решили построить настоящую империю. Выходите за меня замуж, и мы построим ее вместе».

Когда первое изумление прошло, Хелена вынуждена была признать, что до тех пор ни один мужчина, кроме Эдварда, ее всерьез не интересовал. Несмотря на поклонников, которых она заставляла помогать себе, только отношения с Эдвардом имели для нее какое-то значение. Была ли она влюблена? Не важно – любовь в ее планы совершенно не входила. Хелена не чувствовала себя готовой к браку и, честно говоря, боялась его. Решение пришло мгновенно: бежать. Ее ждет пароход до Лондона...

Глава 6. Лондон. Первые шаги в Европе

В 1907 году, когда Хелена приехала в Лондон, у нее было с собой полмиллиона долларов, заработанных в Австралии. Эта приличная сумма позволила ей открыть салон в Мейфере, уважаемом районе, расположенном в Вестминстере, на Графтон-стрит. Она позволила себе отдаться очарованию особняка на двадцать шесть комнат, в котором незадолго до этого проживал маркиз Солсбери. Роберт Солсбери возглавлял британскую партию консерваторов, дважды был премьер-министром в период 1885–1892 годов, в 1895 году создал свой третий кабинет министров и играл важнейшую роль в дипломатической жизни страны. Он решительно и мудро вел политику Британии, разрешая возникающие проблемы в Ирландии и с колониями, пытался преодолеть последствия удаленности Британских островов от Европы, а также участвовал в разрешении разных мировых кризисов. В отставку он ушел только в 1902 году, незадолго до смерти – ему было шестьдесят три года. Известность на политической арене делала его очень значительной фигурой, и частный четырехэтажный особняк XVIII века в Мейфере был необыкновенно роскошен – в нем всегда собирались только сливки лондонского общества. Устроившись там, Хелена платила в год аренду в восемь тысяч ливров. Зато она надеялась таким образом завоевать клиентуру из, как она считала, высокомерной и пуританской лондонской верхушки.

Со дня своего основания Мейфер был районом вилл и частных особняков. В своей книге «Прогулки по Лондону» Флора Тристан так описывает этот квартал в 1842 году: «В Вест-Энде живут придворные, аристократы, процветающие коммерсанты, художники, дворяне из провинции и иностранцы, приехавшие со всего света. Эта часть города просто роскошна; дома прекрасные, улицы ровные, но однообразные. Здесь встречаешь только шикарные экипажи, дам в изысканных нарядах, денди на красивейших скакунах и толпу слуг в богатых ливреях и вооруженных длинными тросточками с золотыми или серебряными набалдашниками».

Почти век спустя, в 1933 году, Поль Моран²² писал в романе «Лондон»: «Мейфер не просто городской квартал – это скорее определенный образ жизни, стиль существования, умение носить зонт в руке весь год, не узнавать человека на улице, прежде чем он не представлен вам четыре или пять раз, не расставаться со шляпой-котелком до июльского матча Итона с Харроу, говорить с оксфордским акцентом и не заканчивать фразы».

Мадам выбрала для завоевания Мейфера удачный момент. Хотя в огромных особняках, вроде Честерфилд Хауса, Крю Хауса или Сандерленд Хауса, еще жили их исконные владельцы, коммерсанты высокого уровня уже всюду покупали там собственность. Самые знатные обитатели квартала были близки английской короне, и во многих резиденциях, например у Консуэло Вандербилт, ставшей герцогиней Мальборо, устраивались грандиозные приемы. Но в Мейфере также жили кадеты, вдовы офицеров, а дочери из семей военных были, как говорили тогда, «немного свободолобивы» – особнячки они занимали небольшие, но с ног до головы были образцом элегантности.

Мейфер был городом в городе, со своим особенным стилем и ни на что не похожей атмосферой. Это был притягательный, но закрытый маленький мир, который рьяно оберегал свои границы от вторжения чужаков. Если бы он не принял услуг «стилиста-косметолога», ей бы не оставалось ничего другого, как запереть двери своего салона и покинуть Лондон навсегда. Если бы это случилось, Хелена, возможно, никогда не решилась бы взглянуть в лицо Парижу.

²² Моран, Поль (1888–1976) – известный французский писатель и дипломат.

Почему же Мейфер был так нелюбезен с незнакомцами? Как часть любого закрытого общества, его обитатели слепо отдавались обсуждению новостей, сплетням и мимолетным капризам. Внешняя красота считалась валютой для приобретения «хорошего брака». Благодаря такому образу мыслей в Мейфере процветало высокомерие и привычка к безапелляционным суждениям. Возможно, именно это и заманило Хелену в особняк на Графтон-стрит, 24. Если ставки не были высоки, а победа не давалась без крови, игра ее не интересовала. Она понимала, что ей нужно «сразу взять большой приз, поразить всех, во что бы то ни стало, и в первую очередь блеском и шиком, а потом – серьезным подходом и основательностью. И никаких полумер!».

Для блеска и был выбран старинный особняк лорда Солсбери, в котором увидел свет первый европейский «Дом красоты *Valaze*». Хелена, которая тогда просила называть себя исключительно «Мадам», с безупречным вкусом создала там роскошный интерьер. Она вызвала из Кракова младшую сестру Манку, которая быстро вошла в курс всех дел и взяла на себя управление лондонским салоном. Хелена также предложила работать в салоне ученице профессора Пауля Герсона Унны из Вены, с которой когда-то сама работала, – она должна была возглавить группу косметологов.

Хелена и Манка работали день и ночь, казалось, они успевали одновременно на все четыре этажа этого грандиозного, первого в Европе салона, где женщинам предлагались разнообразные косметические процедуры, подобранные индивидуально для каждой клиентки и основанные на тщательных научных исследованиях. Эти процедуры стоили очень дорого, и самое скромное посещение салона обходилось не менее ста фунтов стерлингов. Этому было две причины: первая – стремление сформировать определенный круг клиентов, а вторая – создать для них в салоне условия подлинной роскоши. Оставалось только оправдать цены достигнутыми результатами.

* * *

Однажды утром Хелена увидела перед дверями нового салона знакомую фигуру; человек внимательно рассматривал табличку с именем Хелены Рубинштейн, временно заменявшую название салона. Эдвард Титус! Он был слишком влюблен, чтобы ждать невозможного – вестей от своей возлюбленной, поэтому сам приехал к ней в Лондон.

С тех пор Эдвард и Хелена встречались каждый день. Несмотря на то что общалась она теперь исключительно с высшим обществом, Хелена по-прежнему видела в нем то природное изящество и обезоруживающее обаяние, которые очаровали ее в Мельбурне. В конце концов она вынуждена была признать, что увлечена им гораздо больше, чем думала. Хелена переживала необычное для себя волнение, одновременно странное и приятное.

Эдвард сделал ей предложение второй раз. На этот раз она не колебалась ни секунды и, поддавшись порыву, чего с ней никогда не бывало, согласилась. Они тайно поженились в Лондоне²³ в присутствии всего лишь двух близких друзей-свидетелей. «Все было очень просто и очень нежно», – вспоминала она. Мадемуазель Хелена Рубинштейн стала мадам Хеленой Титус и одновременно сменила гражданство: Хелена Титус стала американкой.

Эдвард и Хелена уехали на медовый месяц в Ниццу. Она совершенно потеряла голову от счастья. Они проехали на машине за три дня весь Лазурный Берег, и все ей казалось прекрасным! Впервые с тех пор, как она покинула ранчо, Хелена позабыла о работе, о своих честолюбивых планах, своей «кухне» и обо всем остальном. Она знала, что может поло-

²³ Точная дата заключения брака неизвестна. Согласно некоторым источникам, свадьба состоялась между 1905 и 1908 годами. Наиболее вероятно, что это произошло в начале 1907 года. Хелене было тогда тридцать пять лет.

житься на сестер – Цеска отвечала за салон в Мельбурне, а Манка управляла лондонским салоном. Теперь самым важным в жизни стала их любовь с Эдвардом.

Но безоблачное счастье было омрачено одним неприятным происшествием. Как-то утром она должна была встретиться с Эдвардом в холле отеля и, войдя, увидела, что он любезничает с очень красивой молодой девушкой и так поглощен беседой, что даже не замечает жену. Мадам, охваченная ревностью – с тех пор она навсегда останется человеком, крайне отстраненным от своих близких, – поспешно покидает отель. В гневе она заходит в один из известных ювелирных магазинов и покупает себе жемчужное кольцо. Оно стало первым украшением в большой коллекции, названной «Драгоценности размовок», и Хелена сохранит это кольцо до конца жизни.

Она взяла экипаж и приказала извозчику ехать на вокзал. Не дав Эдварду ни малейшей возможности объясниться и даже не предупредив его об отъезде, она села на первый же поезд до Парижа. Обезумев от тревоги, он выехал вслед за ней, как только она дала о себе знать. Когда они встретились, Хелена уже сожалела о своем опрометчивом импульсивном поступке, но ревность с тех пор продолжала мучить ее, и часто не без оснований...

Вернувшись в Лондон, Мадам снова со страстью погружается в работу. Не желая открыто признаться в своем любопытстве, дамы высшего общества, раньше часто посещавшие особняк лорда Солсбери, умирали от желания посмотреть, что за «вульгарные мерзости» эта иностранка творит в старинных стенах «британского» дома бывшего премьер-министра. Одна за другой они решались переступить порог салона, содрогаясь при мысли, что могут встретить здесь знакомых.

Манка рассказала сестре, что во время ее отсутствия они наблюдали из окна салона, как на углу Графтон-стрит останавливалась машина и одна из «дам», закрыв вуалью лицо, дожидалась, пока улица не опустеет. Потом она быстро семенила к двери и проскальзывала внутрь, стараясь остаться незамеченной.

Несмотря на огромные цены, большинство клиенток заказывали курс из двенадцати сеансов или даже записывались на еженедельные процедуры на год вперед.

Вскоре после возвращения Мадам получила странное письмо. Жена вице-короля Ирландии, дама уже зрелых лет и весьма консервативная, написала ей с просьбой разрешить ее личному врачу осмотреть салон, чтобы решить, может ли она посещать его. Хелена конечно же согласилась. Изумление ученого мужа и его восторженные рассказы после визита в особняк стали лучшей рекламой для «Салона *Valaze*». Одобрение врача воодушевило клиентов и убедило Хелену в том, что старение и физические недостатки подобны болезни, которую надо лечить.

Настоящим прорывом стало посещение салона одной аристократкой, близкой к королевской семье. Ее жизнь складывалась почти трагически из-за ужасного акне, которое не поддавалось лечению. Она скрывала лицо под толстым слоем белой пудры и не выходила из дому без вуали. Мадам предписала ей радикальное лечение, на которое герцогиня согласилась, питая большие надежды. Тут вспомнилась «Черная помада» – первая маска против акне, которую она изобрела в Мельбурне. Заперевшись на своей «кухне», Хелена немного изменила рецепт, чтобы приспособить маску к индивидуальным особенностям кожи герцогини. Она прописала этой даме строгую диету и посоветовала ей сделать укол вакцины, которую доктор Лист, один из врачей, работавших в салоне, как раз готовился тестировать. К тому же она назначила ей курс довольно жестоких для того времени процедур, изобретенных ею во время пребывания в Вене. Ей удалось убедить герцогиню сделать этот *peeling*, несмотря на то что первоначально эстетический эффект был устрашающим. Впрочем, учитывая изначальное состояние кожи этой дамы, хуже, казалось, было некуда.

В течение шести месяцев герцогиня каждую неделю появлялась в «Салоне *Valaze*», четко следовала всем рекомендациям Мадам и тщательно соблюдала предписанную диету.

Постепенно после регулярных пилингов, масок «Черная помада» и употребления крема *Valaze* для жирной кожи большие клетки были уничтожены. Однажды, посмотревшись в зеркало, герцогиня увидела совершенно другое лицо.

В Мейфере проблема этой герцогини была известна каждому, и некоторые зло насмеялись над несчастной женщиной. Тот факт, что на ее лице неожиданно исчезли всякие следы акне, укрепил расцветавший успех салона. О Хелене Рубинштейн заговорили на всех приемах в Мейфере. Газеты разразились хвалебными статьями, и самые избалованные женщины высшего лондонского общества обрывали звонок дома на Графтон-стрит, 24.

Прежде, до появления Хелены в Англии, лондонские дамы пользовались средствами, рецепты которых печатались в газетах и которые можно было заказать в аптеке. Существовало несколько книг, из которых женщины могли узнать простенькие рецепты косметических средств на базе кольд-крема, серы, пероксида цинка, глицерина, розовой воды или миндального масла. Все ингредиенты продавались в аптеках, и можно было бесконечно развлекаться, самостоятельно пробуя изготовить себе крем. Но готовых средств по уходу не существовало.

В Лондоне Мадам изобрела новые дневные и ночные кремы, тоники, очищающие и вяжущие средства, стимулирующие концентраты – например, *l'Eau d'or* («Золотую Воду»), *l'Eau verte* («Зеленую Воду»), *l'Eau qui pique* («Пряную Воду») и много других. Очень быстро буквы *HR* стали для всей Англии символом красоты и научного расчета.

Глава 7. Материнство

За несколько месяцев количество заказов и записей на консультации из разных европейских стран увеличилось в разы, и Хелена решила, что это прекрасный повод для поездки в Париж вместе с Эдвардом. Ее уже давно преследовала мысль открыть и там «Салон *Valaze*».

Незадолго до отъезда Хелена узнала, что ждет ребенка. Она всегда была так увлечена работой, что даже мысль о материнстве не приходила ей в голову. Но когда она поняла, что беременна, новое, глубокое чувство радости и предвкушения охватило ее душу. Эдвард же просто обезумел от счастья и окружил жену невероятной заботой. Беременность не мешала Мадам продолжать работу. Наоборот, она никогда еще не была так энергична. Ее тело расцветало и наливалось жизненной силой.

Эдвард и Хелена отправились в Париж, и там она, конечно, нанесла визит профессору Берглю²⁴, чтобы побеседовать с ним о последних открытиях в области дерматологии. Он одобрил ее идею открыть свой салон во французской столице, настоящей столице красоты. С его помощью она познакомилась с одной дамой-косметологом, которая продавала свой магазин и продукцию для дерматологических процедур, отвечающую самым последним требованиям науки. Дамы заключили договор, и Мадам стала владелицей гаммы продуктов на растительной основе и магазина на улице Сент-Оноре.

Живот у нее уже округлился, и надо было все делать быстро. Чтобы подготовить и открыть салон как можно быстрее, Хелена вызвала из Кракова еще одну сестру, Паулину, и доверила ей управление парижским магазином, обучив азам своего дела. Салоны в Австралии процветали при неусыпных заботах Цески, а Манка железной рукой управляла салоном в Лондоне.

* * *

Пока Хелена и Эдвард были в Париже, художник Поль Эллё²⁵ написал портрет Мадам. Патрик О'Хиггинс вспоминал, что однажды с изумлением обнаружил старинную гравюру на меди, изображающую молодую Хелену Рубинштейн с эгреткой в прическе а-ля Помпадур. Внучка Поля Сезара Эллё, Элиана Оросди, рассказала ему, что гравюра была сделана по рисунку 1908 года и что в то время дед «писал всех, кто мог заплатить ему ту сумму, которую он просил: Консуэло Вандербильт, когда она была герцогиней Мальборо, герцога Альбу, нескольких членов правительства разных стран Европы и даже некоторых королевских особ». Деньги для вознаграждения художника у нее были, и Хелена решила, что будет забавно заказать ему этот рисунок.

Потом еще много раз ей представится возможность быть моделью самых известных художников. В своей автобиографии «Жизнь за красоту» она говорит, что никогда не пыталась убедить художников в своем видении. «Когда рисуют твой портрет, ты во многом доверяешься случаю. Я понимаю, что художник должен быть свободен, чтобы передать то, что он видит так, как он это видит». Это убеждение в праве художника на свободу самовыражения иногда подводило ее и ставило подчас в малоприятные ситуации.

²⁴ Берглю, Пьер Эжен Марселен (1827–1907) – выдающийся французский химик, профессор Высшей фармацевтической школы в Париже.

²⁵ Эллё, Поль Сезар (1859–1927) – французский живописец и офортист. Работал в технике акватинта и гравюры-офорта, имитирующей акварель и сепию.

Переложив часть ответственности за дела на сестер, Хелена смогла наконец полноценно заняться подготовкой к рождению ребенка. Три месяца спустя в Лондоне на свет появился Рой. Естественно, это был самый прекрасный младенец на свете, и к тому же – мальчик! Эдвард и Хелена были очень счастливы.

В это время перед Первой мировой войной женщина, как правило, должна была жить в тени своего мужа. Хелена же делала головокружительную карьеру. Эта необыкновенная женщина уже была хозяйкой двух салонов красоты в Австралии (в Мельбурне и в Сиднее); «Салона *Valaze*» в Лондоне и магазина в Париже. Делая ей предложение, Эдвард пообещал, что ни в коем случае не будет мешать ее работе, а, наоборот, постарается всегда помогать ей. Он сдержал слово.

Хелена так отзывалась о Титусе: «Это был исключительный человек. Элегантный, умный, полный идей. Одним словом, я его любила. Знаете, он обладал необыкновенным шармом, и что важнее всего – он помогал мне во всем: в оформлении интерьера, рекламе и даже ведении счетов. В то далекое время мы были одной командой». Он продолжал называть ее «Мадам», и все окружающие тоже переняли это обращение, ставшее легендарным.

Эдвард был страстным любителем литературы и музыки. По вечерам после тяжелого дня он всегда старался завлечь жену на концерт – теперь ко всем ее хлопотам прибавились еще заботы о ребенке. Как-то вечером он повел ее на вечер «Русских балетов» Сергея Дягилева (тогда он еще не основал собственную балетную компанию и зависел от Императорского театра Санкт-Петербурга). Давали «Шехеразаду» Н. Римского-Корсакова, постановку, над которой работали давние друзья Дягилева – Леон Бакст, художник по костюмам, а декорации создавал Александр Бенуа.

Дягилев играл важнейшую роль в жизни богемного парижского общества той эпохи. Жан Кокто так описывал его портрет, грубый и привлекательный одновременно: «Танцовщицы называли его Шиншиллою за седую прядь волос в густой темной шевелюре. Он был затянут в шубу с воротником из опоссума, заколотой в нескольких местах английскими булавками. Поводкой он напоминал огромного дога, а улыбкой – молодого зубастого крокодила. Скрежетать зубами означало у него и удовольствие, и страх, и ярость»²⁶.

Спектакль Дягилева стал для Хелены настоящим эстетическим откровением. Поздним вечером прямо после театра она поспешила к себе в салон и сорвала «всю эту невинную парчу», которой были задрапированы стены и окна. Едва только забрезжил рассвет, она заказала роскошные драпировки ярких переливающихся оттенков, которые так очаровали ее на сцене. С тех пор она неизменно выбирала эти цвета на протяжении пятидесяти пяти лет для украшения стен во всех своих квартирах и салонах.

Эдвард водил ее в *Savoy* и в *Café Royal*. Между сеансами на своей «кухне» Мадам старалась выбираться на обеды и приемы. Она была деловой женщиной, и ей необходимо было вести светскую жизнь. Эдвард старался заинтересовать ее не только научным чтением и предлагал книги, которые любил сам. Времени ей катастрофически не хватало, даже несмотря на то, что Хелена умела обходиться всего несколькими часами сна.

В 1912 году, когда на свет появился их второй сын Гораций, семья Титусов все еще жила в Лондоне. Хелена, поглощенная своей новой ролью, с 1909 по 1912 год самым важным для себя считала обязанности жены и матери, не забывая, впрочем, о работе. Муж и двое детей очень изменили ее жизнь, и, поскольку дела в Лондоне шли с небывалым успехом, она могла посвятить себя семье. В то время она больше всего стремилась стать заботливой матерью и любящей женой, стараясь не выпускать надолго из рук бразды правления своей маленькой империи.

²⁶ Jean Cocteau. *La Diddiculte d'etre*, op. cit., p. 74.

Из своих многочисленных портретов Хелена больше всего любила картину Кристиана Берара²⁷. На ней она изображена с одним из сыновей. «Зная мою любовь к детям, он написал замечательный портрет – я одета в белую рабочую блузу, на плечи наброшена шаль... Одной рукой я обнимаю сына».

Она заявляла, что является воплощением в жизни идеи о том, что женщины равны мужчинам и что можно быть одновременно деловой женщиной, матерью и женой. В этом нет никакой угрозы традиционному укладу, как уверяют некоторые «отсталые ворчуны».

Для своих детей Хелена выбрала британскую систему воспитания. Англичане считали, что лучше держать детей на определенной дистанции. Даже в самых простых семьях считалось неприемлемым позволять детям слишком сближаться с родителями. Приняв эту очень практичную британскую традицию, Хелена смогла организовать свою жизнь самым необременительным для себя способом, тем более что финансовое положение позволяло ей это.

Нельзя с определенностью сказать, что думали на этот счет Рой и Гораций. Рой, старший сын, увидел мир на верхнем этаже салона на Графтон-стрит. После рождения Горация семья поселилась в большом комфортабельном доме Викторианской эпохи, расположенном за пределами Лондона, недалеко от Путни Хит (*Putney Heath*). Однажды одна из нянь уронила малыша Горация головой вниз. После этого случая, каждый раз, когда Мадам была недовольна сыном, она пожимала плечами и говорила: «Гораций у нас дурачок!» Гораций действительно был рассеянным мечтателем, необщительным и молчаливым, но, возможно, причиной тому были постоянная занятость матери и дефицит материнского тепла.

Несмотря на несколько бурных эпизодов, жизнь Хелены с Эдвардом Титусом оказалась счастливой. У Эдварда был единственный недостаток: этот привлекательный мужчина был обходителем со многими женщинами, а Мадам – очень ревнива.

С точки зрения профессии лондонские годы стали бесценным временем – было проведено много новых экспериментов. Хелена вспомнила своих друзей-англичан из Мельбурна. У англичанок красивая кожа, но очень тонкая и чувствительная к ветру и солнцу, склонная к появлению ранних морщин и веснушек. Из-за влажной погоды и знаменитого английского тумана женщинам часто приходится переходить с холодного воздуха на улице в жарко натопленные помещения, а это усиливает прилив крови к лицу и приводит к появлению эритематозного акне. А летом опасностью номер один в то время было солнце, ведь загар еще не вошел в моду.

Красота требует жертв! Англичанки были очень терпеливы – они покорно подвергали себя долгим, сложным и болезненным процедурам, если того требовал косметолог. Хелена могла экспериментировать вдоволь и все больше совершенствовать свои методы. Она впервые стала применять электричество в некоторых случаях поражения кожи, и это позволило ей наблюдать *in situ* (по месту нахождения – *лат.*) реакцию клеток. Она всегда была уверена в необходимости научных экспериментов во всем, что касается внешности. «В медицине хорошо понимают значение этих эмпирических наблюдений, которые не объясняют ни одного фундаментального положения, но зато позволяют добиваться значительных результатов. Эти попытки, первые неуверенные шаги и эксперименты необходимы в моей работе для решения проблем, перед которыми пока наука бессильна»²⁸.

²⁷ Французский художник Кристиан Берар (1902–1949) был создателем декораций для многих балетов и театральных постановок, в том числе и для фильма Жана Кокто «Красавица и Чудовище», снятого в 1945 году.

²⁸ Je suis estheticienne, op. cit., p. 76.

* * *

Одна из ее клиенток, леди Рипон, в конце жизни очень болела и решила предоставить себя в качестве испытуемой косметологам «Салона *Valaze*»: «Пусть они пробуют на мне всю продукцию, которую собираются продавать. Будет очень обидно, если результатов придется ждать долго: передо мной вечность! Я хочу оставить воспоминание о себе потомкам».

В эти годы, посвященные экспериментам, было создано множество новых средств: крем против морщин, помады против акне, а в 1910 году увидел свет знаменитый *Refining Lotion Valaze* («Разглаживающий лосьон *Valaze*»), заменивший мыло и предназначенный для очищения жирной кожи и борьбы с черными точками.

В анонсах, которые печатались в английской прессе в 1910 году, можно прочесть: «Вот некоторые из средств по уходу за кожей, которые предлагает Мадам Рубинштейн: оригинальный крем *Valaze Skin Food* (“Питание для кожи *Valaze*”), *Valaze Complexion Soap* (“Мыло для лица *Valaze*”), *Valaze Complexion Powder* (“Пудра *Valaze*”), *Novena Powder* (“Пудра *Novena*”), *Open Pore Cure* (“Средство для очищения пор”), *Valaze Snow Powder* (“Снежный лосьон *Valaze*”), *Valaze Liquidine* (“Валаз Ликидин”)). В тот год по меньшей мере шесть новых продуктов были добавлены к первому крему *Valaze*.

В Лондоне Хелена начинает работать над *Crème pasteurisée* «Пастеризованным кремом» – но результата-том она останется довольна только много лет спустя, в 1916 году, когда он и был запущен в производство. В прессе 1927 года печатали общие рекомендации по уходу за кожей – никогда не умываться просто водой, но использовать «Пастеризованный крем», как продукт, не имеющий аналогов. «Химически чистый благодаря методу Пастера. Проникает в кожу с помощью простого пальцевого массажа и глубоко очищает поры».

И на самом деле «Пастеризованный крем» можно назвать универсальным средством. Жирный и относительно плотный, он прекрасно очищал кожу подобно кремам, которыми пользовались клоуны, чтобы очистить лицо от грима. Принцип простой – убрать жир с помощью жира. Такое средство и успокаивает, и очищает. «Когда у нас появлялась дама с покрасневшим лицом и чудным эритематозным акне на раздраженной коже, достаточно было просто нанести ей на кожу толстым слоем в виде маски “Пастеризованный крем” на двадцать – тридцать минут – и кожа клиентки приобретала приятный матовый оттенок. На этикетке “Пастеризованного крема” было написано “очищающий и успокаивающий”, потому что функцией “для снятия макияжа” его действие не ограничивалось. Это средство не просто помогало избавиться от макияжа – оно глубоко очищало кожу, оставляя ее в превосходном состоянии. Вдобавок оно обладало нежной текстурой, идеальной для массажа лица. Это был очень приятный крем, просто чудо»²⁹.

Каково же было истинное участие Хелены Рубинштейн в создании этих продуктов, сказать довольно сложно. Совершенно точно, что она многому училась у дерматологов и химиков, некоторые записи показывают, что она и сама была химиком, хотя это официально не доказано. Безусловно, ей очень помогло знакомство с Якобом Ликуски, а укрепить и усовершенствовать технические навыки и теоретическую подготовку она смогла во время путешествия по Европе.

Одно можно сказать совершенно точно: Мадам обожала проводить долгие часы на своей «кухне» и в своих лабораториях, работая вместе с сотрудниками. Она сама вырабатывала определенные дозировки, смешивала средства, «вынюхивала» их; она сама использовала все пробники и получала от этого огромное удовольствие. Любой новый продукт она

²⁹ Из интервью с Лилит Крудовской 4 ноября 2002 г.

пробовала на себе. Она была наделена удивительной интуицией и умела находить решения, вдохновлявшие работавших у нее химиков.

Она никогда не бывала полностью довольна достигнутым, и настал момент, когда Хелена стала мечтать о создании новой линии средств для макияжа. Ее всегда интересовало, как можно подчеркнуть глаза, но она думала и о создании румян или помады. К несчастью, до 1914 года англичанки почти не пользовались макияжем. Увлеченные научными достижениями в области средств по уходу, они все же не были готовы перейти к использованию декоративной косметики. Строгий Лондон еще не мог примириться с подобными фантазиями. Поле для этой новой битвы, для нового приключения было выбрано сразу же: Париж!

Глава 8. Большие перемены

«Неистовый и жестокий двадцатый век пришел на смену изнеженному девятнадцатому, и вместо Одалиски появилась Амазонка. Средства по уходу и косметические процедуры салона, одним словом, вся работа *стилиста*, которым я обещала себе быть и которым действительно стала, была призвана отныне удовлетворять не только естественное женское кокетство, но и теперь уже отвечать иной жизненно важной задаче. Женщины заняли новое положение в обществе, и мы должны были помочь им смело взглянуть в лицо их современной социальной роли», – заявляла Хелена Рубинштейн. И она сама, как амазонка, бросилась завоевывать новые земли.

Вспомним, что ее первый парижский магазин был открыт еще в 1908 году – после визита к доктору Бертелло незадолго до рождения Роя, а в 1912 году в Париже состоялось открытие «Дома красоты *Valaze*», через десять лет после открытия «Салона *Valaze*» в Мельбурне. Какой огромный путь был пройден ею за эти десять лет! Маленькая польская иммигрантка, которая бесплатно раздавала подругам баночки крема, придуманного венгерским химиком для комедийной актрисы, превратилась в богатую и знаменитую даму. Она уже выработала свой знаменитый стиль, одновременно строгий и яркий, который сохранит на всю жизнь: роскошные наряды (в Париже она познакомилась с великим кутюрье Полем Пуаре), великолепные, в основном старинные, украшения (иногда их было даже чересчур много) – она собирала коллекцию несколько лет; черные волосы собраны на затылке в гладкий узел, губы подкрашены ярко-красной помадой, а темные глаза подведены глубоким черным цветом.

После рождения Горация, второго сына, Хелена немного набрала вес, который так и не смогла сбросить, потому что рекомендации по диетическому питанию, которые она давала другим, сама не соблюдала. Она всегда любила, например, поесть польских колбасок, запивая их водкой из ледяного штофа. На работе она грызла кусочки сахара, жевала карамельки или сосала мятные леденцы. Ими были полны ящики письменных столов во всех ее кабинетах.

В 1912 году Хелене исполнилось сорок лет. Мадам признавалась только в тридцати. «Важно лишь твое сияние», – говорила она. Это была красивая женщина: живая, яркая, умная и удивительно властная. Сама она говорила мало, но прекрасно знала, как разговорить других. Пригодился совет Августы Рубинштейн, которому она когда-то не последовала, но слова матери запомнила. Если же она все же высказывалась, то говорила тихо и неуверенно, что придавало ей особенное очарование, которому трудно было противостоять.

* * *

Открытие клиники красоты Хелены Рубинштейн в Париже стало поворотным моментом в карьере Мадам и положило начало тому, что впоследствии стали называть ее «империей». До этих пор крем «*Valaze*» оставался основой всех средств, которые она создавала. Хелена не раз обращалась к доктору Ликуски, который его придумал, с просьбой разработать новые средства, но именно она сама первой начала исследования разных типов кожи. Она серьезно погрузилась в изучение проблемы и очень быстро поняла, что у косметологии нет будущего без глубокого изучения строения и функционирования эпидермиса. Потом были созданы средства по уходу за разными типами кожи – кремы и первые маски.

Она прекрасно умела, как бы сейчас сказали, *пиарить* свои достижения и делать их достоянием общественности. Интересно, что слухи о ней всегда были несколько преувели-

чены. С самого начала она считала очень важным то, что делал для нее в Австралии Эдвард Титус. Первая реклама, которая появлялась в английских газетах, была построена на одной и той же хитрой уловке: внимание читательницы привлекала большая, на целую страницу, фотография какой-нибудь известной личности. Под фотографией «звезды» располагалось письмо, обращенное мадам Хелене Рубинштейн, в котором рассказывалось об огромном удовлетворении, полученном от использования крема «Valaze». Все завершалось короткой справкой о том, какие неудобства доставляет слишком жирная или сухая кожа. А дальше шел список средств, которые предлагались для решения этих проблем.

Например, в лондонском журнале *The Play Pictorial* под фотографией актрисы Максин Эллиот было расположено такое псевдописьмо: «Попросите меня написать слово “красота”, и я напишу “В-а-л-а-з”». Похожая реклама использовалась и в Соединенных Штатах. Например, в журнале *Vogue USA* от 1 февраля 1916 года появилась фотография мисс Кити Гордон, под которой было написано: «Вот что говорит эта потрясающая женщина и актриса», а дальше рассказывалось о чудесных свойствах крема «Valaze»: она использует его каждый день, и результаты просто потрясающие, этот крем – лучший из всего, что она пробовала. Далее она рекомендовала его всем своим подругам. Все заканчивалось ее восторгами по поводу других продуктов этой серии, которые также описывались как необыкновенные и удивительные средства.

Мадам всегда, вплоть до 1960-х годов, использовала такую логику построения рекламного объявления: «У вас есть проблемы? У других – тоже, и они решаются с помощью серии наших средств». После того как Мадам начала использовать «научные методы» для создания средств по уходу за телом, она также разъясняла их действие с помощью фотографий. Изображение всегда было существенным, но не самым важным элементом в рекламе.

* * *

Хелена Рубинштейн всегда так верила в себя, что более пятнадцати лет отказывалась продавать свою продукцию где-либо кроме своих собственных салонов. Заказы посылали клиенткам, посещавшим салон, по почте. Адрес надо было оставить в салоне. Такая система значительно ограничивала продажи, а соответственно, и доходы. Мадам все это понимала, потому что получала множество запросов из Австралии, Европы и даже из Соединенных Штатов на продажу своей продукции под общим названием «Особые средства по уходу от Хелены Рубинштейн». Но она никогда не соглашалась.

Почему? Потому что Хелена была убеждена, что красота и наука должны идти рука об руку, и считала, что клиентку нужно хорошо подготовить к правильному употреблению косметики. Она полагала, что достигнутый результат – лучшая реклама. Только тщательно обученный персонал мог справиться с этой задачей. В этом отношении никого лучше ее сестер и быть не могло.

В ее «клиниках» – так она стала называть свои салоны в Париже, клиентки получали полный «уход» за лицом и телом. Столь тщательный научный подход невозможно практиковать нигде, кроме специальных салонов. Именно поэтому она такое внимание уделяла их декору: атмосфера роскоши, спокойствия, безопасности должна была усиливать эффект.

В Париже ее появление на рынке декоративной косметики наделало много шума. Мадам была убедительна, успешна и неотразима.

Глава 9. Из Парижа в Нью-Йорк

Когда Хелена Рубинштейн открыла в 1912 году «Дом красоты» на улице Сент-Оноре, парижанки, в отличие от жительниц Лондона, уже привыкли пользоваться макияжем. Уже существовала декоративная косметика, и женщины любили, чтобы макияж соответствовал наряду. Но, по мнению Мадам, палитра красок, которой располагали парижанки, была слишком бледной. Пудра ложилась неравномерно, оставляя некрасивые слоистые полосы. В моде был бледный цвет лица, но иногда из-за пудры кожа приобретала синеватый оттенок. На этом фоне слишком выделялись подведенные черным глаза и ярко-красные губы. Однако, как известно, парижанки всегда подчинялись требованиям моды!

Десять лет спустя в журнале *Vogue France* была напечатана статья «Философия пудры и румян», подтверждающая разное отношение к себе у женщин двух стран. Эту разницу Хелена сразу инстинктивно уловила. Журналист замечал: «Мы не слышали об англичанках, которые пользуются пудрой и румянами, потому что их просто не существует. Если же вы увидите на улицах Лондона женщину с “накрашенным” лицом, то, скорее всего, это иностранка. Возможно и нет, но тогда эта дама принадлежит к тому интернациональному привилегированному классу людей, которые проводят девять месяцев в году из двенадцати в Биаррице, Каире, Каннах и Довилле, иногда навещаясь в Лондон, Нью-Йорк или Париж. Француженка же, напротив, даже принадлежа к среднему классу, всегда имеет под рукой тубик помады и карандаш для глаз. Скромная парижская работница может (...) при помощи всего лишь черного, синего и красного сделать свое лицо забавным, живым и одухотворенным – и эта способность вызывает единодушное восхищение всех обитателей цивилизованного мира»³⁰.

Мадам разделяла это мнение и была, можно сказать, вооружена, когда начала свое наступление на Париж на улице Сент-Оноре. Она обнаружила, что Париж – это мировая лаборатория женской красоты. Хелена считала, что во французской столице всегда относились к женщинам как к произведениям искусства – таким же, как прекрасные образцы архитектуры, мебель разных стилей или картины великих мастеров. К тому же для Хелены было очевидно, что парижанки естественным образом принимают все новшества в области соблазнения. После того как ее «кухни» превратились в заводы, она стала испытывать каждое новое свое творение именно в Париже, в то время как в Америке совершенствовала коммерческие механизмы перед тем, как запустить продукт на международный рынок.

* * *

В 1912 году жизнь ее проходила в основном не в Париже, а в Лондоне с мужем Эдвардом и сыновьями Роем и Горацием. Когда же последнему исполнилось два года, Хелена поделилась с Эдвардом своим желанием покинуть Лондон и переехать в Париж. Она была недовольна тем, что не могла пристально следить за делами в новом салоне, несмотря на полное доверие сестре Паулине. Она не могла и не хотела рассчитывать на кого-либо, кроме себя. Эдвард с ней согласился.

Успех, которого она достигла на улице Сент-Оноре, был таким же оглушительным, как и в Мейфере. Мадам слышала разговоры о шведском массаже, но до тех пор у нее не было ни времени, ни возможности проводить эти эксперименты. Ее уверяли, что и всем парижским дамам полусвета, любящим роскошь, и нервическим аристократкам такая процедура,

³⁰ *Vogue France*, март 1921, с. 84.

конечно, покажется полезной и расслабляющей. Мысль проводить сеансы массажа пришла ей в голову как раз после знакомства с потрясающей шведской массажисткой Тиллой. Мадам наняла ее на работу в салон.

Практика массажей не была распространена в то время, очевидно, потому, что в массажном кабинете нужно было раздеваться... Хелена послала личные письма нескольким самым элегантным дамам Парижа, предложив провести бесплатную консультацию с последующим сеансом массажа. От такого предложения никто не смог отказаться. Светские львицы и актрисы стали первыми клиентками, которые регулярно посещали «Клинику красоты» и сеансы массажа у Тиллы.

Знаменитая писательница Колетт³¹ не разделяла стыдливости дам своего поколения и позволила легко себя убедить в благотворности массажа. Она устала от издевательств своего мужа Вилли – поговаривали, что он запирали ее на ключ в комнате и заставлял писать романы, которые подписывал своим именем. Однажды, когда его не было дома, Колетт решила попробовать знаменитый шведский массаж, о котором все женщины Парижа говорили с придыханием. После сеанса она отвела Мадам в тихий уголок и доверительно сказала своим громким низким голосом, который было невозможно не узнать, хоть раз услышав: «Еще никогда мне не было так хорошо! Теперь я готова вступить в бой с кем угодно, даже с собственным мужем!»³² И с тех пор всякий раз, когда Вилли уезжал из Парижа и не запирали жену, Колетт спешила в салон и отдавалась во власть умелых рук Тиллы. А слова, которые она «прошептала» своим громоподобным голосом, быстро облетели весь Париж, и у Тиллы вскоре не стало отбоя от клиентов.

Это были последние годы Прекрасной эпохи, и парижский салон Хелены в это время прочно входил в житейский обиход всего Парижа. Принцесса Бибеско писала об этом так: «Уход за собой – важнейшая часть жизни каждой женщины, живущей в Париже, благодаря настоящему культу, объектом которого она себя чувствовала. Все работало на одну цель – освободить женщину от оков материального, чтобы одухотворить ее тело. Эта наука удивительна, она затрагивает душу, именно о ней все мечты. Нужно бороться с природой, жестокой, глупой, варварской природой, и ради этого пущены в ход все уловки человеческого гения»...³³

Дела шли все лучше на улице Сент-Оноре, но политические бури изменили привычный ход жизни семьи Титус. Настал август 1914 года, и Германия объявила войну Франции. Эдвард пытался убедить жену, что было бы разумнее, имея американское гражданство, уехать в Соединенные Штаты хотя бы ради сыновей. Но покинуть Европу означало бросить все, что Мадам создавала здесь долгими годами и тяжелым трудом. Это было трудное решение, и впервые в жизни оптимизм и сила воли почти покинули Хелену. Небольшое утешение пришло из России: «Когда в 1914 году разразилась война, почтовое сообщение было прервано, и царица прислала ко мне курьера, чтобы впрок запастись нашей продукцией. Войны проходят... красота остается»³⁴. И все-таки нужно было уезжать.

Гораций, которому было всего три года, впервые пересек Атлантику. Страшно было не ему одному, Хелена рассказывала, что «корабль был невообразимо переполнен, а море – очень бурное, и к тому же все боялись наскочить на вражеские подводные лодки». После довольно тяжелого путешествия семья Титусов наконец сошла на берег в Нью-Йорке холод-

³¹ Колетт (1873–1954) – французская писательница, одна из звезд Прекрасной эпохи.

³² Даже учитывая, что Генри Готье-Вияр по прозвищу Вилли (1859–1931) был не лучшим из мужей и не самым талантливым писателем, судя по недавно изданной биографии Колетт (например, Мишеля дель Кастилло), создается впечатление, что этот образ не совсем соответствовал действительности. Скорее всего, Колетт жаждала мести, что и отразилось в серии «книг сведения счетов». – *Прим. авт.*

³³ Цитируется по книге Хелены Рубинштейн «Я – косметолог», *op. cit.*, с. 86.

³⁴ *Je suis estheticienne*, *op. cit.*, p. 86.

ным утром 1915 года. Хелена не была измучена плаванием настолько, чтобы сразу же не обратить внимание на женщин, встречавшихся им на улицах. Цвет лица у них был мертвенно-бледный, губы сероватые, а носы посинели от холода. Она тут же поняла, что вынужденная ссылка подарила ей новую страну, которую можно завоевать, и огромный рынок для сбыта продукции.

Семья Титусов сначала поселилась в квартире на Риверсайд-драйв, а потом рядом с Центральным парком. «Все очень еврейское», – говорила Хелена, которой эти места совсем не нравились. Она попросила Эдварда найти приличную квартиру «в христианском квартале». И он нашел им жилье в доме номер 43 по рю Уэст (*Rue Quest*). Семья поселилась на верхнем этаже, а на двух нижних Хелена устроила свой первый американский салон.

Америка, как и Австралия, страна первооткрывателей. Но в 1914 году, когда вторая сохраняла еще статус колонии, Соединенные Штаты были молодой республикой, которая начала стремительно развиваться. Хелене это очень нравилось. Уже в конце 1915 года «Институт *Valaze*» открыл свои двери для посетителей в Новом Свете – в доме 49 на улице Вест в Нью-Йорке. Почти одновременно с ним открылся второй салон в Чикаго, а вскоре и третий – в Бостоне.

Хелена купила загородный дом, расположенный на Олд Индиан Чейз-роуд, в Гринвиче, штат Коннектикут. Каждое утро она оставляла сыновей на попечение няни и отправлялась на улицу Вест. Рою уже исполнилось семь лет, Горацию – три, и оба они очень страдали от того, что родители редко бывали дома. Нянями работали молодые женщины из бедных семейств, у которых не было никакой профессии – Мадам называла их «дворянки». Эти «дворянки» были нетребовательны, дешево обходились и были гораздо лучше воспитаны, чем обычные гувернантки и бонны. Но как-то одна из них уехала вместе с Эдвардом в Чикаго. Эта поездка положила начало глубокому кризису в отношениях супругов и вспоминалась даже при разводе много лет спустя.

* * *

Завоевать Соединенные Штаты было для Хелены двойным вызовом. Во-первых, по сравнению с европейскими странами, масштаб этого рынка был совершенно другим. Во-вторых, впервые в жизни Мадам пришлось соперничать лично с Элизабет Арден.

В самом начале своей карьеры, в 1909 году, мисс Флоренс Найтингейл Грем использовала имя Элизабет Грем. И только в 1914 году окончательно стала называть себя Элизабет Арден. Когда в 1909 году ее продукция еще только появилась в Соединенных Штатах, Хелена Рубинштейн уже была хорошо известна в Австралии и в Англии. Но когда Мадам приехала в Нью-Йорк, Элизабет Арден уже была не новичком в мире косметики. Она тоже обладала сильным характером и харизмой, ее имя и марка уже были известны по всей Америке. В такой стране было предостаточно места для них обеих, но было очевидно, что две такие властные женщины будут бороться за первенство. Соперничество Элизабет Арден и Хелены Рубинштейн вошло в историю развития американской косметической индустрии и привело к созданию двух огромных коммерческих и финансовых империй.

Борьба была безжалостной, но Мадам удалось внедриться на новый рынок: эксклюзивные медико-эстетические услуги, которые предлагались в салоне, очень нравились американкам, падким на все «здоровое и естественное». Эдвард развернул грандиозную рекламную кампанию, и результат оправдал затраченные усилия. По словам Мадам, ей одной удавалось «соответствовать» своей рекламе благодаря, с одной стороны, разнообразию средств и услуг по уходу, а с другой – гарантированному лабораторному тестированию и научному подходу. Следование этим принципам ожесточало борьбу: Элизабет Арден была вынуждена изменить методы работы. «Доверие, возникшее благодаря моему опыту косме-

толога, и то, что авторитет моего прошлого ниспровергал ярмарочных торговцев, заставили многие фирмы изменить стиль работы», – объясняла Хелена. Было очевидно, что обе фирмы отныне преследовали одну и ту же цель – «бороться с псевдонаучными утверждениями и доказывать свою работу результатами». Борьба началась.

По всем Соединенным Штатам Мадам проводила открытые конференции и демонстрировала средства и услуги по уходу за лицом, уделяя особенное внимание глазам, а также курсы физических упражнений. К тому же она давала частные консультации слушателям своих курсов. Миллионы женщин увлеченно следовали ее методам.

Такая широкая рекламная кампания привела к возникновению конкуренции, которую невозможно было выдержать без опыта научных экспериментов в области косметологии. Крупные торговые дома заинтересовались маркой «Хелена Рубинштейн» и быстро поняли, как выгодно продавать эту продукцию. Наконец, общество осознало – косметология – настоящая профессия, сложная индустрия, которая может быть опасна без контроля.

1915 год стал очень важным в истории марки, потому что эти конференции в корне изменили политику распространения продуктов *Valaze*. До этого, как мы помним, вся линия этой продукции продавалась только в «Домах красоты» Хелены Рубинштейн. Но на этот раз Хелену атаковали большие торговые дома – *City of Paris* в Сан-Франциско и *Halle Brothers* в Кливленде первыми послали запрос на закупку ее продукции и получили разрешение на массовую продажу. Она уже не могла больше противостоять этому процессу.

Но Хелена была убеждена, что необходим официальный контроль. Она не только не боялась за качество услуг в своих салонах, но и мечтала о профессиональном обучении мастерству косметолога, после которого выдавался бы настоящий диплом. Она знала по опыту, каким опасным может быть бездумное использование некоторых химических соединений.

Успех в Америке пришел быстро, возможно, даже слишком быстро. Она решила немного приостановить ход дела, повторяя любимую польскую поговорку: «Шаги мудрости медленны». Но, следуя своему первому побуждению, она отказывалась увеличивать количество демонстраций, пока не была создана команда профессиональных косметологов и ассистентов. Она ничего не оставляла на волю случая, чтобы не рисковать: малейшая ошибка в изготовлении средств или в их использовании могла обойтись слишком дорого.

Но искушение было велико. Сначала – Мельбурн, потом – терпеливое ученичество и путешествие по Европе, затем годы, потраченные на совершенствование своих методов в Лондоне, и выработка целой доктрины по уходу за собой для женщин в Париже... Но эта огромная страна с ее головокружительными запросами необыкновенно будоражила воображение. Хелена и так отдыхала довольно редко, но теперь работала как никогда! Она даже попросила приехать Манку, которая вела дела в Лондоне.

В мельбурнский салон наняли управляющего, а Цеска – которая тем временем уже вышла замуж за англичанина Эдварда Купера, жившего в Австралии, – заменила Манку в Лондоне. Цеска стала душой английского филиала вместе с Борисом Фортером, англичанином русского происхождения. Они хорошо дополняли друг друга: Борис был прекрасным руководителем, а Цеска замечательно разбиралась в косметике. Благодаря ей появилось много удачных нововведений, например именно она предложила добавлять шелк в декоративную косметику. «Дом красоты *Valaze*» на Графтон-стрит, 24, будет полностью разрушен бомбежками во время Второй мировой войны. Но после шести лет на Беркли-сквер, 48, воспоминания победят: салон в конце концов снова откроется на Графтон-стрит, в доме 3.

Но вернемся в Соединенные Штаты. В 1917 году Мадам начала обучать мастеров-демонстраторов использованию продукции своей марки. Обучение длилось не меньше шести месяцев и было очень дорогостоящим. Но для Хелены это был вопрос чести: она не могла позволить, чтобы покупательницы неправильно пользовались ее продукцией. Демон-

стратор-консультант сейчас – широко распространенная профессия во всем мире, и изобрела ее Хелена Рубинштейн, чем она всегда очень гордилась.

Вместе с Манкой Хелена объехала все Соединенные Штаты с «театральным турне». С командой консультантов она пересекла всю страну, от Балтимора до Сан-Франциско, от Денвера до Чарльстона, от Майами до Канзас-Сити. Она заводит новые знакомства, изучает вкусы и потребности женщин в каждом городе – тщательно анализирует вопросы, которые слушательницы задают во время семинаров. На каждую встречу приходили женщины с разными проблемами, увлеченные и настроенные скептически, насмешливые и доверчивые, но им всегда было любопытно узнать больше о том, что предлагала Хелена.

Она поняла, как показывать товар так, чтобы он продавался самым лучшим образом. Хелена и Манка работали по восемнадцать часов в сутки – не оставляя ни одной бреши, все доводя до конца. Проводили демонстрации, семинары, частные консультации, и даже заменяли своих сотрудниц, если нужно. Они практически не распаковывали багаж. Работа так увлекала их, что они не чувствовали усталости.

Хелена торопилась, потому что скоро ее продукция должна была появиться на прилавках магазинов. Беспокойство было тем сильнее, что опыт продажи по почте провинциальным клиентам, который она приобрела и в Лондоне, и в Париже, уже показал ей, что контролировать использование определенных средств невозможно, потому что все детально расписать и проконтролировать – задача невыполнимая.

Идея, что сотрудники несут ответственность за каждого отдельного клиента, лежала в основании всего предприятия. Опыт, накопленный за годы работы в салонах в разных странах, позволил ей создать целые линии разнообразных средств по уходу за кожей. Кроме того, были созданы линии средств декоративной косметики, парфюмов, средств по уходу за волосами. И все это сопровождалось точными инструкциями по применению.

Но в конце концов она сдалась. В 1917 году Мадам впервые позволила продавать свою продукцию не только в специализированных магазинах. Счастливыми ее избранниками стали вначале *Marshal and Field* в Чикаго, *J.-L. Hudson* в Детройте, *Filene's* в Бостоне, *Sacks* в Нью-Йорке и *Bullock's* в Лос-Анджелесе. Другие войдут в этот список позже.

Мадам ставила своим дистрибьюторам жесткие условия: продукция могла продаваться только в тех магазинах, продавщицы и консультанты которых прошли знаменитое шестимесячное обучение. Это строго проверялось перед тем, как Хелена подписывала договор на продажу товара. Первые годы она лично следила, чтобы те условия, которые она считала основными, исполнялись тщательнейшим образом.

Хотя Эдвард по-прежнему поддерживал ее на пути в бизнес-леди, все более долгие и частые отлучки жены раздражали его. Конечно, он возглавлял все рекламные кампании Хелены, а девиз марки стал его настоящей находкой: «*I Helena*» – «Я – Хелена». Этот слоган звучал везде во всех интервью и рекламных акциях. Но когда однажды Хелена вернулась из поездки в Нью-Йорк, Эдвард сообщил ей о своем намерении развестись. Конечно, он был ветреник, но, несмотря на все мучения, Хелена его все-таки любила. Да и он ее тоже по-своему продолжал любить; но его увлекала светская жизнь в кругу писателей и художников, и он не выносил одиночества, на которое его обрекала жена. Расставание было долгим и тяжелым.

* * *

Ноябрь 1918 года. В Европе снова наступил мир. Охваченная ностальгией, Хелена предложила Эдварду вернуться в Европу, в Париж. Она втайне надеялась, что переезд что-то изменит и спасет их брак. Рой и Гораций были еще малы, такие перемены не могли всерьез повлиять на них. Эдвард согласился, тем более что и сам планировал вернуться в Париж.

С окончанием Первой мировой войны закончилась целая эпоха. Взамен старого мира родился новый. Маленькая польская иммигрантка смогла поймать удачу и сделать эту новую жизнь блистательным приключением. После четырех лет битв, страданий и труда в мире мужчин женщины получили свободу и независимость – наконец настало их время. Теперь бутик мадемуазель Шанель на улице Шамбон и салон мадам Рубинштейн в предместье Сент-Оноре стали местом отдыха и удовольствий, где женщины учились искусству заниматься собой.

Глава 10. Возвращение в Париж

Возвращение в Европу было гораздо веселее, чем отъезд оттуда. На корабле, плывущем во Францию, Хелена и Эдвард почувствовали, что первый раз за долгое время после медового месяца они могут насладиться отдыхом. Рой и Гораций тоже были счастливы, потому что и папа и мама были с ними рядом, – а это такая редкость! Все дела, заботы и тревоги оказались забыты.

Никто не думал о делах до тех пор, пока Хелена не прочитала в одной из французских газет объявление о продаже старого особняка в предместье Сент-Оноре, всего в нескольких шагах от ее салона. Она тут же послала каблограмму³⁵, желая узнать все детали, и уже вечером, еще пересекая Атлантику, Мадам стала счастливой владелицей пятиэтажного особняка в предместье Сент-Оноре.

Приехав в Париж, она с головой погрузилась в работу: нужно было превратить этот старый дом в салон, достойный «Дома красоты *Valaze*». Семья Титусов поселилась на верхних этажах над салоном на улице Сент-Оноре, и снова началась круговерть.

Хелена все пополняла и совершенствовала свою коллекцию украшений, мебели, миниатюр, живописи и скульптуры, а Эдвард Титус искал убежища и утешения в спокойном романтическом мире искусства и книг. Роя и Горация отослали жить в Лондон, где они и учились потом – первый в Оксфорде, второй – в Кембридже. В Париже светская жизнь шла параллельно профессиональным занятиям.

Стоит упомянуть об одном типичном явлении той эпохи – девушки из бедных семей часто пользовались протекцией богатых и известных молодых людей. Они становились куртизанками или деловыми женщинами, и судьба их менялась, благодаря молодым людям, бравшим на себя заботу о них. Они испытывали к своим благодетелям странную смесь презрения и благодарности, а иногда даже по-своему любили их. Например, Эмильена д'Алансон, знаменитая куртизанка, заставила всех забыть, что она дочь консьержки с улицы Мартир в Париже и что ее имя Эмили Андре. Она обязана этим молодому герцогу д'Юзесу, который из-за нее и разорился. Габриэль Шанель, дочь ярмарочных торговцев, стала знаменитой Коко благодаря Этьену Бальзану, который вытащил ее из родной провинции и финансово поддерживал в самом начале ее пути к славе.

Хелене это было чуждо. В модных местах она появлялась очень редко, ведь ее подлинной страстью была работа, не оставлявшая времени ни на что другое. Она была одиночкой и все делала сама. И когда много позже Мадам, королева косметики, будет устраивать грандиозные приемы на весь Париж, тому будут две существенные причины. Первая касается ее профессиональной жизни: она должна была принимать, развлекать и удивлять тех, кто содействовал ее известности, а также клиентов. Вторая причина была в ее любви к живописи и художникам. Этот интерес взрастил в ней отец, проводя долгие часы вместе с дочкой в музеях Кракова. Муж продолжал развивать ее вкус – он и сам увлекался живописью, а походы в «Опера» и книги американских писателей, неизвестных в Европе, которые он ей давал, еще больше укрепляли ее страсть к искусству.

До войны 1914–1918 годов Титусы часто посещали те места в Париже, где собирались женщины горячего и алчного нрава, в которых сосредотачивалось все очарование эпохи. Теперь высшее общество Парижа открылось им благодаря грандиозным приемам Поля Пуаре, друга и модельера Хелены с первого ее дня в Париже. Иногда их отношения становились довольно бурными, потому что Мадам всегда была очень требовательна и на сеансы примерок у кутюрье часто реагировала излишне эмоционально. Однажды, когда Хелена пре-

³⁵ Каблограмма – это телеграмма, передаваемая по подводному кабелю.

бывала в особенно дурном расположении духа, Поль Пуаре, разъяренный беспрестанными критическими замечаниями в свой адрес, оставил ее стоять в буквальном смысле голой, разорвав в гневе на мелкие клочки ее платье, которое было уже почти готово. Но все это не мешало все ярче расцветать их искренней дружбе.

Пуаре – человек, избавивший женщин от корсета, придумывал незабываемо красивые вечера. Он растянул над своим садом огромный тент, который автоматически растягивался и собирался, скрывая или открывая взглядам большой шатер в персидском стиле, где собирались сливки парижского общества. Хелена и Эдвард были гостями и на персидских праздниках, которые устраивали графиня де Шабрийан и графиня Бланш де Клермон-Тоннер. Увлечение Востоком охватило Париж после грандиозного успеха «Русских балетов» Сергея Дягилева. Сам Поль Пуаре попросил Мадам «погрузиться в тайны гарема», чтобы сделать макияж манекенщиц для одного из его дефиле. «Поймите меня правильно, – уточнил он, – парижанки не должны выглядеть как одалиски, скорее нужно подчеркнуть, что это именно западная культура».

Во время одного из вечеров у Пуаре Хелена познакомилась с Мисей Серт³⁶. Перед Первой мировой войной она еще была женой Альфреда Эдвардса, «финансиста, который изумлял Париж своей экстравагантностью и управлял газетами, формировавшими общественное мнение» – так его описала Хелена. Мися Серт родилась в Санкт-Петербурге в 1872 году, в один год с Хеленой. Отец ее был поляком, а мать – наполовину русской, наполовину бельгийкой. Детство ее было довольно неблагополучным (мать умерла при родах, а отец коллекционировал «мачех»), но Мися росла среди людей искусства. Ее отец сам был художником и скульптором, а воспитывали девочку русская бабушка, которая была музыкантшей, и бельгийский дедушка – виолончелист-виртуоз. Совсем молоденькой она оказалась связанной близкой дружбой с Форе³⁷, который, говорят, разразился слезами, узнав о ее помолвке. Первым ее супругом был француз польского происхождения Тадеуш Натансон. Ей было пятнадцать, а ему – двадцать семь лет!

В 1889 году Натансон вместе с братом Александром основал журнал *Revue Blanche*, открытый новым идеям и молодым талантам. В том же году Поль Галлимар, отец Гастона, выпустил эксклюзивное издание в одном экземпляре – роман братьев Гонкуров «Жермини Ласерте». Это было время просвещенных дилетантов, у которых были средства стать литературными меценатами. В течение нескольких лет маленькие журналы, бурлившие идеями литературы будущего, множились, а затем исчезали после всего нескольких выпусков. Но издание братьев Натансон, которое, по словам Жида, было точкой пересечения всех противоречивостей того времени, выходило ежемесячно в течение двенадцати лет. Имена Марселя Пруста, Оскара Уайльда, Франсиса Жамма, Поля Клоделя, Леона Блума, Стефана Малларме и других так или иначе фигурировали в журнале *Revue Blanche*, который имел огромный авторитет в мире искусства и литературы своего времени. Некоторые из них также появлялись в *La Nouvelle Revue Francaise*, созданном Гастоном Галлимаром несколько лет спустя.

Друзья Тадеуша Натансона, небезызвестные Тулуз-Лотрек, Вюйар и Боннар, рисовали рекламу для журнала, и все выбирали Мисю своей моделью. И она, в черном манто с большим меховым воротником, с муфтой и в фиолетке, стала для французской интеллигенции символом *La Revue Blanche*.

Хелена познакомилась с Мисей вскоре после ее развода. Она собиралась выходить замуж второй раз за Альфреда Эдвардса, владельца *Matin* и, как замечала Хелена, большинства разделов *Figaro*. Но Мися продолжала принимать старых друзей в красивой квар-

³⁶ Мися Серт, или Мизиа Серт, иногда Мисиа Серт, или, собственно Мария Годабская (1872–1950) – польская и французская пианистка, муза и покровительница поэтов, живописцев, музыкантов, хозяйка литературного и музыкального салона, модель известных художников.

³⁷ Форе, Габриэль Урбен (1845–1924) – французский композитор и педагог. Его называют французским Шуманом.

тире на улице Риволи, где Хелене посчастливилось познакомиться с представителями буйного художественного авангарда, для которых Париж был центром мира. Другими Мисей были Серюзье, Боннар, Ренуар, Дебюсси, Вюйар и Аполлинер, с которыми она продолжала поддерживать дружеские отношения, несмотря на разрыв с Натансоном. Но потом появилась новая гвардия – художник Хосе Мария Серт, и все снова радостно собрались на улице Риволи.

Когда Хелена вернулась из Нью-Йорка и снова встретила Мисей, ее салоны уже были очень известны, а стать настоящим снобом получалось только тогда, когда ты начинал называть мадам Серт по имени. Мисей Гудебска стала женой художника Хосе Марии Серта в 1914 году. Она покинула улицу Риволи и переехала на набережную Вольтер. Жан Кокто, который тоже попал «в свет», благодаря вечерам на набережной Вольтер, описывал знаменитый салон в очень лестных выражениях: «С севера он освещался зелеными бликами Сены, с юга – оранжевыми всполохами полотен Боннара. Эти картины Мисей обрезала на свой лад так, чтобы они соответствовали изгибам стен. Настоящий скандал! ... Мы получали догаресс (догаресса – супруга дожа. – *Прим. ред.*) и великих жриц, получали муз, у нас их было предостаточно! Но как редко можно встретить тех, кто необходим искусству, – тех, кто не боится расползнуться, но приносит в этот храм дух грабежа, дух тканей и разрезающих их ножниц. (...) Мисей с ее страстностью и бунтарским характером все время мешала краски, не позволяя им застыть... Только сильные художники, верящие в свое высшее предназначение, могли выдержать эту возмутительницу спокойствия, которая неслась по жизни как бешено вращающаяся юла, опьяненная шумным вихрем своего кружения и никогда не замедляющая оборотов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.